

Марина
СЕРОВА

Театр начинается с выстрела

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Театр начинается с выстрела

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Театр начинается с выстрела / М. С. Серова — «Эксмо»,
2017 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-089029-3

Частного телохранителя Женю Охотникову срочно вызывают в Москву – известной актрисе требуется сопровождение, которое вряд ли способен обеспечить кто-то другой. Кто превратил в ад жизнь театральной звезды: неуравновешенные поклонники, оскорбленные любовники, давно получившие отставку, или алчные продюсеры? Неужели дело всего-навсего в зависти коллег и театральные нравы не меняются веками? Железная воля Охотниковой против клубка амбиций, интриг и случайностей – кто кого на этот раз?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089029-3

© Серова М. С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Как все началось.	6
Хамить не надо.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Серова

Театр начинается с выстрела

© Серова М.С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Как все началось.

Понедельник

«Мы не можем ждать милостей от природы после того, что с ней сделали», – сказал какой-то юморист, и я была с ним полностью согласна: погода не радовала. На смену солнечному и до того теплему апрелю, что отопление отключили раньше положенного срока, пришел холодный и промозглый май, дожди шли ежедневно, варьировалась только их интенсивность: от моросящего до ливня. Квартира, естественно, тут же остыла, и нам с тетей Милой приходилось спасаться обогревателями, потому что Тарасов – не Москва, у нас никто и не подумал, что можно снова включить отопление, хотя по всем температурным параметрам следовало бы. Наоборот! У нас еще и горячую воду отключили! Хорошо, что я уже давно установила водонагреватель – хоть какое-то спасение. Нет, я со своим спартанским воспитанием и опытом военной службы в спецподразделении (о котором не принято говорить открыто, словно и нет таких вовсе) и без этого не пропала бы, но вот тетя Мила! Ее здоровьем я рисковать не могла – она же мой единственный на свете родной человек, и я ее трепетно люблю, хотя своим неумным стремлением непременно выдать замуж она порой доводит меня до белого каления. Как и желанием минимизировать наши расходы, так что мне постоянно приходилось проверять, а не отключила ли она в целях экономии обогреватели, посмотрев в очередной раз, с какой бешеной скоростью меняются показатели на электросчетчике. Объяснять ей, что с моими гонорами телохранителя разорение нам не грозит, я уже устала, оставалось только молча терпеть.

Хотя насчет гонораров я немного погорячилась, потому что в данный момент работы у меня как раз и не было – мои постоянные клиенты, поверив прогнозам метеорологов, не обещавших улучшения погоды до конца месяца и даже в июне, отправили своих жен и дочерей в теплые края. И я оказалась не у дел.

Все началось с того, что жену одного очень богатого и влиятельного в области бизнесмена две шустрые девицы не самых честных правил вырубili в туалете ресторана, а потом сняли с нее все драгоценности и смылись, а сопровождавший ее охранник, оставшийся, естественно, в коридоре, спокойно пропустил их мимо себя. И всполошился он только после того, как какая-то женщина, вошедшая в туалет, истерично завизжала. Совместными усилиями службы безопасности бизнесмена и полиции грабительницы были найдены, а похищенные драгоценности возвращены владельце. Но вывод из случившегося все сделали однозначный: если уж на твоей жене висит целое состояние, то и охранять его надо соответственно, а поскольку мужчина в женский туалет со своей подопечной войти не может, требуется женщина-телохранитель. С того времени у меня от клиентов отбоя не было, и я с головой окунулась в «светскую» жизнь Тарасова. С одной стороны, это было хорошо, потому что гарантировало стабильный и очень высокий заработок. А вот с другой!.. Для этих капризных, избалованных бабенок самое главное в жизни – похвалиться новыми драгоценностями. И неважно где: в ресторане, в клубе на встрече с себе подобными или «выгулять» их в фойе во время антракта на концерте какой-нибудь заезжей «звезды», до творчества которой им нет никакого дела. Если не вслушиваться в то, что они говорят, еще терпимо, но однажды одна из этих, так сказать, дам, обращая ко мне, по-барски распорядилась:

– Милочка! Расстарайтесь насчет кофе для нас.

И тут же получила от меня в ответ произнесенное самым великосветским тоном:

– Душечка! Мне не за это платят. Обратитесь к официанту.

Оскорбленная моей непочтительностью, бабенка нажаловалась мужу и заявила, что никогда и никуда со мной больше выезжать не будет. Муж оказался вменяемым человеком и

внятно объяснил ей: или она будет выезжать со мной в драгоценностях, или без меня, но и без них тоже. Бабенка с трудом, но смирилась – возможность похвалиться драгоценностями ей была важнее. Однако тут уже я встала в позу скорпиона и больше с этой семьей не работала. Урок был усвоен, и с тех пор никто из жен, какое бы высокое положение ни занимали их мужья, не пытался обращаться со мной как с прислугой.

Но если взрослых женщин еще можно было привести в чувство, то их безбашенные дочурки были безнадежны. Меня нанимали для сопровождения их в ночные клубы, где мне надлежало бдить за ними и не допустить, чтобы они ввязались в какую-нибудь скандальную историю или накурились (как вариант, наглотались) какой-нибудь дряни. А эти девицы, ошалев от чувства вседозволенности и соответственно собственной безнаказанности, вытворяли такое, что нормальному человеку и в голову не придет. Вычислить местного драгдилера в клубе для знающего человека, которым я без ложной скромности считаю себя, было делом пяти минут (интересно, в какую сторону полиция смотрит?), далее следовала «задушевная» беседа с ним, и он обходил моих подопечных десятой дорогой. Но тут подключались заботливые друзья и подруги – ну как не помочь хорошему человеку? Они покупали, приносили, давали эту дрянь охраняемому лицу, и дело для него заканчивалось принудительным промыванием желудка прямо в туалете ночного клуба с последующей насильственной эвакуацией домой, где девица жаловалась родителям на мой произвол. Они метали в мой адрес громы и молнии, а когда расстроенное испорченным вечером дитяtko удалялось в свои апартаменты, чтобы написать в соцсетях о том, какая я садистка, родители благодарили со слезами на глазах и выплачивали премию.

Легче всего было работать с бизнес-леди. Эти женщины, сами всего добившиеся в жизни, ясно понимали, что я играю на их стороне и если прошу что-то сделать, то для их же блага. Они не капризничали, а четко следовали моим рекомендациям. Но и опасности им чаще всего грозили намного более серьезные, чем лишиться драгоценностей или попасть в больницу с передозом, тут речь шла уже об их жизни.

В общем, легкой мою работу не назвал бы и самый отъявленный оптимист, но, как говорится, кто на что учился. Когда я уставала так, что это не удавалось скрыть от тети Милы (а я ее берегу и стараюсь лишний раз не волновать), она принималась уговаривать меня снова заняться переводами, благо несколько иностранных языков я знаю в совершенстве, но я это уже проходила и поняла, что не мое. Вот и приходится мне «воевать» – надо же как-то деньги зарабатывать.

Кстати, о деньгах, надо бы с карточки снять, а то наличных уже почти не осталось – тетя Мила до сих пор боится пользоваться пластиковой картой, говорит, что «живые» деньги ей привычнее. Подозреваю, она просто опасается, что автомат ее как-то обманет, но в подробности не вдаюсь – ну зачем мне лишний раз ее волновать? Пусть живет так, как ей удобно. Выходить из дома в такую промозглую погоду мне совершенно не хотелось, но деваться некуда – надо! Хорошо хоть, дождь прекратился и небо прояснилось. Правда, синоптики опять нам в ближайшие дни похолодание и ливни обещали, но вдруг ошиблись? Я начала собираться, когда раздался звонок нашего домашнего телефона, на что я не обратила внимания – мне обычно на сотовый звонят. Скорее всего, это тете Миле, наверное, кто-то из приятельниц по ней соскучился. Но тетя, ответив на звонок, позвала меня, а когда я подошла, протягивая трубку, заговорщически подмигнула и шепнула:

– Тебя! Очень приятный мужской голос!

О боги! Каждый появляющийся около меня мужчина, независимо от возраста и внешности, рассматривается ею с позиций моего потенциального мужа! Когда же она успокоится? Я горестно вздохнула и ответила в трубку:

– Охотникова слушает.

– Привет, Ника! – раздался действительно приятный и довольно-таки вальяжный мужской голос.

– Крон! Привет! – радостно воскликнула я. – Тысячу лет тебя не слышала! Как ты? И почему по домашнему номеру?

– Ох, не быть мне богатым! – притворно вздохнул он.

– Так только ты меня Никой и зовешь. Выдернул часть моей фамилии и придумал мне новое имя, – объяснила я. – Сказал бы «Женька», я бы еще подумала, кто это звонит.

– Прокололся! – опять вздохнул он. – Старею, значит! А по домашнему телефону звоню... так что сумел достать! Потому что тот номер сотового, что мне дали, сегодня весь день вне зоны.

– Это с какого перепуга? – удивилась я и, достав из кармана мобильник, увидела, что он разрядился. – Ой, Крон, прости! Номер действующий, просто батарея села. Сейчас поставлю на подзарядку, и все будет в порядке. Как у тебя дела? Как домашние? Кого из наших видел-слышал?

– Все потом, а сейчас скажи мне, ты занята или нет?

– Если ты о работе, то свободна. А что? Хочешь что-то предложить?

– Да! Мы ищем женщину-телохранителя для работы в Москве.

– А свои у вас там все уже вывелись? – удивилась я.

– Нет, но нам нужен человек, которого здесь не знают, а наши уже примелькались. Кроме того, нужна женщина из провинции с немосковским говором и соответствующим поведением, потому что работать придется под видом приехавшей погостить родственницы.

– Заинтриговал! А поподробнее?

– Охраняемое лицо – очень известная в России женщина, режим работы – круглосуточно, проживание вместе с ней, сопровождение везде, где только возможно. В твои обязанности входит охрана не только физическая, но и ее душевного спокойствия. Будешь оберегать ее от всех возможных бед. Расценки по высшему разряду, срок действия договора – столько, сколько потребуется. Что скажешь?

– Подумать надо, – озадаченно ответила я. – И потом, что значит «столько, сколько потребуется»? А если это год или два?

– Не так долго, конечно, но вот месяц вполне может быть.

Если по высшим московским расценкам, да еще целый месяц, то получается такая сумма, что, с учетом тарасовских цен, мы с тетей Милой потом на эти деньги сможем очень долго безбедно жить, но вот кто клиент? И я поинтересовалась:

– Ты мне хоть скажи, чем эта женщина занимается? Шутка ли? Круглосуточно, да еще и жить вместе! Вдруг мы с ней настолько характерами не сойдемся, что и дня рядом не выдержим? Вот и получится, что я тебя подведу.

– Актриса театра и кино, народная артистка России, – ответил Крон. – А вот фамилию я тебе назову только в том случае, если ты согласишься.

Мать честная. Актриса театра и кино, которую я должна буду всюду сопровождать. Выходит, я с ней и на премьеры буду ходить, и на всякие светские мероприятия, где смогу всех наших артистов не на экране, а вживую увидеть! Да для меня, заядлой киноманки, это не работа, а праздник!

– Согласна! – решительно заявила я. – Когда и куда приходить с вещами?

– Сегодня в Москву вылететь сможешь?

– Без проблем, – заверила его я. – Погода временно улучшилась, так что должна быть летной. В самом крайнем случае – выеду поездом и завтра утром буду у тебя.

– Хорошо, как только определишься с билетом, тут же мне позвони, и я тебя встречу. Запиши мой номер.

Продиктовав мне номер, Крон явно собирался закончить разговор, но я его быстро остановила:

– погоди! Ты мне так и не сказал, кого мне предстоит охранять.

– Анна Ермакова. И, собирая сумку, учти, что ты родственница из провинции, которая приехала погостить, а не тусить, так что гардероб подбирай соответствующий.

«Анна Ермакова! – возликовала я, положив трубку. – Кто же в России ее не знает? Гениальная актриса и необыкновенная красавица! И я с ней не только познакомлюсь, но и буду постоянно находиться рядом! Да я бы даже бесплатно согласилась ее охранять. Но что ей может угрожать? – задумалась я. – Или кто? Назойливый поклонник с неустойчивой психикой? Ладно! Кем бы он ни был, он очень скоро пожалеет о том, что досаждал этой потрясающей женщине!»

– Что это вид у тебя такой возбужденный? – сдернула меня с небес тетя Мила, так и простоявшая рядом все время нашего с Кроном разговора – женского любопытства еще никто не отменял. – И кто этот мужчина с таким приятным голосом? И что это за имя такое необычное «Крон»? Он иностранец? Но как чисто говорит по-русски!

– Тетя Мила! Это всего-навсего мой бывший сослуживец, – объяснила я. – Он русский, а «Крон» – это сокращенно от Кронштадта, откуда он родом. Кроме того, он счастливо женат, имеет детей и далее по тексту, так что успокойся.

– Ох, не дожидаться мне внуков! – горестно вздохнула тетюшка и с самым скорбным видом отправилась в свою комнату.

– Я сегодня уеду в Москву. Может быть, на месяц, – сказала я ей вслед.

– Как на месяц? Да еще и в Москву! Зачем? – тут же вскинулась она, повернувшись ко мне.

– Работать, – кратко ответила я.

– О господи! – простонала тетя Мила и рухнула на стул.

Дальнейший алгоритм действий был давно выработан: корвалол, целовашки-обнимашки, заверения в том, что со мной ничего не случится, потому что я буду очень-очень осторожна, обещания звонить каждый день и хорошо питаться. Кому-то это может показаться смешным, а вот мне – нет, потому что если тетя Мила у меня единственный родной человек на всем белом свете, то и я у нее тоже одна. Будь ее воля, она пристегнула бы меня к своей юбке большущей английской булавкой и никогда никуда не отпускала. Она с трудом мирилась с моей работой в Тарасове, а вот когда я куда-то уезжала, не находила себе места, как будто подстерегавшие меня там опасности были гораздо более серьезными, чем в родном городе.

Успокоив наконец тетюшку и выяснив, что погода действительно летняя, я забронировала себе билет на последний рейс в Москву и сообщила Крону, когда меня встречать. Оставшаяся часть дня пролетела в темпе *presto*¹: обеспечить тетю Милу наличными, собрать сумку с учетом пожеланий Крона и, наконец, посмотреть в Интернете все, что есть об Анне Ермаковой. А было там до обидного мало: ни собственного сайта, ни страницы в социальных сетях. В статье Википедии – скудные биографические данные, зато впечатляющая фильмография и длинный перечень спектаклей с ее участием. Масса восторженных отзывов и рецензий о ее игре в фильмах и спектаклях и парочка интервью, одно – еще прошлогоднее, взятое на церемонии вручения «Ники», которую она получила за лучшую женскую роль. А вот второе, можно сказать, совсем свеженькое – от начала апреля, когда журналисты беседовали с ней после премьеры спектакля, но она больше говорила о своих коллегах, а о себе только то, что не замужем и не собирается, потому что не чувствует одиночества – у нее же есть ее зрители. «Ничего, – решила я. – Крон меня по всем пунктам просветит!»

¹ Быстро (*итал.*)

В аэропорту Москвы я даже не сразу узнала Крона – до того он стал вальяжным и холерным. Не оклики он меня, прошла бы мимо. Взяв мой чемодан на колесиках (старый, которым я давно не пользовалась, и в нем дома лежал всякий хлам, но провинция так провинция), он окинул меня взглядом с ног до головы и одобрительно кивнул. А что? Одета я была соответствующе: кроссовки, джинсы, водолазка, ветровка (в Москве тоже было холодно) и бейсболка, которую он попросил меня снять, объяснив:

– Сейчас я тебя сфотографирую и отправлю снимок Ермаковой, должна же она знать, как ее троюродная сестра Женя выглядит, – и, закончив с формальностями, предупредил: – Ника, когда мы вдвоем, я для тебя по-прежнему Крон, но на людях я Григорий Владимирович.

– Слушаюсь, господин Денисов, – хмыкнула я. – А основания для такого почтения есть?

– Наверное, да, потому что я заместитель директора общества с ограниченной ответственностью «Гардиан».

– А я думала, ты в детективном агентстве работаешь, – удивилась я.

– У нас многопрофильная фирма: и частный сыск, и охрана, и многое другое, а зарегистрированы как ООО, чтобы внимания меньше привлекать, – объяснил он. – Каждый заместитель директора курирует определенное направление. У меня, в частности, – охранный деятельный. Работы неспорный, ответственность сумасшедшая, нервотрепка постоянная. Одна радость – платят за это очень достойно.

– Круто ты поднялся, – покачала головой я.

– Хоть в чем-то повезло, – без особой радости в голосе отозвался он.

– Домашние не ворчат, что тебя постоянно дома нет? – поинтересовалась я.

– Ворчат некому. С женой мы разошлись, и она с детьми в Питере осталась, как и со всем, что я за время службы нажил. Так что приехал я в Москву с одним чемоданом, хорошо хоть, было к кому обратиться. Порекомендовали меня в «Гардиан». Был сначала простым охранником, потом меня заметили, выдвинули на повышение. Впрочем, это неинтересно, – сказал он, подводя черту под этим разговором. – Сейчас по дороге в Москву я тебе расскажу, что собой представляет Ермакова.

– Вообще-то я искала информацию о ней в Интернете, но там практически ничего нет.

– Потому что она не любит шумихи вокруг себя. Да, она актриса, причем очень известная, но за стенами театра хочет вести жизнь обычного человека. Журналистов избегает, на всяческие тусовки не ходит, на премьерах, естественно, бывает, но только потому, что так положено. Тебе нужно будет вести себя очень деликатно, потому что, если бы не чрезвычайные обстоятельства, она ни за что не согласилась бы, чтобы ее охраняли.

– Н-н-ничего не понимаю! – возмутилась я. – Ей угрожает опасность, а она...

– Не она! – перебил меня Крон. – Наш клиент – другой человек, которому она очень дорога, и это все, что тебе следует о нем знать.

За этим разговором мы дошли до его машины. Забросив мой чемодан в багажник, Крон сел за руль, я – рядом, и, едва мы тронулись с места, он начал рассказывать:

– Итак, Анна Николаевна Ермакова, девичья фамилия Савинкова, 45 лет, уроженка Екатеринбурга. Разведена. Родители умерли, братьев-сестер, как и детей, не имеется. Есть только дальняя родня, отношений с которой она не поддерживает. С первого раза поступила в «Щуку». На первом курсе вышла замуж за Ермакова и взяла его фамилию, забеременела, но сделала аборт, после которого не может иметь детей. Через год развелась с мужем, но фамилию оставила.

– Может быть, потому что созвучно: Ермакова – Ермолова?

– Не знаю. Если тебе это интересно, спроси у нее сама при случае. Дальше. Еще на последнем курсе училища стала играть в театре, где служит и поныне, но уже в качестве ведущей актрисы. В 28 лет вышла замуж за актера этого же театра. Сначала все шло нормально, но, когда карьера Анны пошла в гору, начались скандалы.

– Все ясно, – кивнула я. – К жене пришла известность, а ее супруг топтался на месте, превращаясь постепенно в «просто мужа Ермаковой». Отсюда до пьянок, гулянок и любовниц один шаг.

– И он его сделал. Когда Анне присвоили звание заслуженной артистки РФ, он ее довольно сильно избил и ушел жить к любовнице. Из театра его, естественно, тут же выперли, и тогда он на развод подал. А детей у них нет, вот их быстренько и развели. Только у любовницы он не задержался и пришел с повинной к Анне. Плакал, каялся, клялся и вымолил-таки прощение. Ее стараниями его и в театр обратно взяли. На роли «кушать подано». Руку на жену он больше не поднимал, но начал пить. И продолжалось это не год и не два. А вот когда Анне присвоили звание народной артистки РФ, он окончательно слетел с катушек и пять лет назад, напившись в зюю, повесился в прихожей их квартиры на крюке от люстры. Вернулась Анна после спектакля домой с цветами, включила свет, а перед ней ноги ее мужа висят. А на зеркале ее же губной помадой написано: «Будь ты проклята!»

– Ну и сволочь! – не удержавшись, воскликнула я. – Радует только то, что ждать от него неприятностей не приходится. Если только в виде привидения будет нам являться. И как Анна это перенесла?

– А ты как думаешь? – Крон мельком глянул на меня. – Она ведь не мы, которых ничем не проймешь, а натура творческая, ранимая. Таблетки, уколы, больница. Не психушка, конечно, а неврологическое отделение, но все-таки.

– Но в Интернете об этом ничего нет, – удивилась я.

– Потому и нет, что она из своей личной жизни шоу не устраивает. К тому же они ведь в разводе были, фамилии разные. Вот шуму и не было. Поправилась Анна, стала снова играть в театре. И тут прошлой весной черт ее дернул связаться с Тихоновым Вячеславом Васильевичем. С виду интеллигентный, вежливый, образованный, очень красиво ухаживал за ней и все такое, а на деле – гнида! Хорошо хоть, не съехались, а просто встречались иногда. Видимо, Анна семейного счастья уже нахлебалась досыта, и больше не тянет. Но в разговорах с третьими лицами Тихонов постоянно называл ее своей женой.

– Еще бы! – хмыкнула я. – Народная артистка России! Гениальная актриса! Необыкновенная красавица! Как такой не похвалиться? А сам-то он чем славен?

– Здесь в Москве был подполковником ФСБ, но его оттуда на лопате вынесли с формулировкой «За утрату доверия», хотя по-хорошему следовало судить и сажать. Причем надолго. Жена его из дома наладила на все четыре стороны, но он по этому поводу не очень-то горевал. Дружбаны с очень нехорошим прошлым, которым он оперативную информацию сливал, взяли его в свой бизнес начальником службы безопасности. Только денег ему показалось мало, и он решил в политику податься.

– И кто же эту гниду пригрел? – удивилась я.

– Нацики. И стал он у них не самым последним человеком. А что? Язык у него подвешен, толпу завести ему – раз плюнуть, мозги людям запудрить тоже. Только в Москве и Подмосковье Тихонову ничего не светило, вот он и решил в прошлом году по одномандатному округу в Челябинской области в Госдуму баллотироваться – он оттуда родом. Подписи-то собрать смогли – думаю, просто заплатили людям, но выборы он проиграл. Он и Ермакову пытался к своей избирательной кампании пристегнуть. Она туда, конечно, не ездила, потому что у нее то спектакли, то съемки, но именем ее он козырял постоянно. Не помогло! До апреля все было нормально, он ходил на ее спектакли, дарил цветы, они ужинали в ресто-

ранах, а вот потом Анна неожиданно взяла отпуск за свой счет и тут же улетела к подруге в Канаду, где пробыла целый месяц. Вернулась всего неделю назад.

– Ты знаешь, в апрельском интервью, хотя ее об этом и не спрашивали, Анна сказала, что не замужем и не собирается, – вспомнила я. – Выходит, она дезавуировала заявления Тихонова о том, что она его жена, и быстренько сбежала. Похоже, что-то очень неприглядное она о нем узнала, а может, он сам что-то сделал.

– Приглядного о нем при всем желании узнать нельзя – редкостная сволочь, – буркнул Крон. – Есть у меня версия, почему Ермакова из России сбежала. Понимаешь, в мае было пятилетие событий на Болотной площади. Может, Тихонов потребовал от нее, чтобы она на митинге выступила? Популярность-то у нее бешеная! Недаром же Максим Горький задавал нескромный вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» Анна отказалась, Тихонов настаивал; она поняла, что он не отвяжется, вот и улетела на целый месяц, предварительно расставив точки над «і», то есть объяснив, что она – женщина свободная и никаких обязательств ни перед кем не имеет. Но, может быть, причина ее срочного отъезда была другой. Узнала, например, что у него, кроме нее, еще и другие женщины есть.

– А они есть? – обалдело спросила я, и Крон кивнул. – Ему мало того, что такая необыкновенная женщина, как Ермакова, с ним спит, так ему еще и другие потребовались? – бушевала я.

– Потому-то я и думаю, что она ему была нужна не для долгой и счастливой жизни, а для дела, для политической карьеры, которую он хотел с ее помощью построить. И надежд этих он не оставил.

– Ты хочешь сказать, что этот мерзавец преследует ее, чтобы заставить вернуться? Ему не дает покоя несбывшаяся мечта о карьере политика, помноженная на ущемленное мужское самолюбие? Бесит то, что она посмела бросить его? – возмущалась я. – Но чего ж ты целую неделю ждал, чтобы мне позвонить? Представляю себе, сколько она за эти дни от него натерпелась!

– До сегодняшнего утра все было более-менее нормально. Тихонов постоянно звонил ей по телефонам, но на сотовом она его звонки сбрасывала, а потом, видимо, внесла в «черный список». По домашнему телефону она отказывается с ним разговаривать. Дважды он смог прорваться мимо охранника в подъезде, но она ему не открыла, объяснив через дверь, что не хочет иметь с ним ничего общего. Охрана получила неслабый втык от начальства и больше его уже не пропускала.

– Ермакова пожаловалась?

– Нет! – покачал головой Крон. – Анна старается избегать любых конфликтов, это мы постарались, – и продолжил: – Тихонов попытался со служебного хода прорваться в театр, но и там его ждал облом. Тогда он после спектаклей стал ее у служебного входа караулить, но тут уже мы не даем ему к ней подойти – сама знаешь, как можно человека тормознуть, причем совершенно незаметно для него.

– Как я поняла, вы ее телефоны слушаете, – заметила я.

– Да! И камера наблюдения напротив двери в ее квартиру установлена, а в строительном вагончике якобы рабочие постоянно отслеживают, чтобы к ней никто не вломился. И на улице, когда она пешком идет, ее наши сопровождают, и машина за ней постоянно едет. Короче, незаметно для нее мы начали ее охранять с того момента, когда ее самолет в аэропорту приземлился.

– Так, а что случилось сегодня утром?

– Тихонов и два мордоворота ждали ее утром в машине возле подъезда. При виде ее все трое вышли, но мордовороты остались у автомобиля, а он направился к ней – видимо, хотел о чем-то поговорить. Но она, едва увидев его, тут же пошла обратно в подъезд. Тогда Тихонов не только обматерил ее с ног до головы, но и пригрозил, что она сильно пожалеет

о том, что так с ним поступила. Не знаю, какие у этих мерзавцев были планы, но вместе с ней вышли другие жильцы этого подъезда, да и дворник рядом крутился, так что все ограничилось словами.

– Дворника к работе пристегнули? – поинтересовалась я, уверенная, что так и есть.

– Святое дело! – хмыкнул Крон. – Вот тут Ермакова уже реально испугалась, поняла, что сама собой эта ситуация не рассосется, и согласилась на охрану, но не бросающуюся в глаза. А постороннего мужика в ее доме не поселишь и в гримерке не посадишь – не будет же она при нем переодеваться. Наши девчонки, как я уже говорил, примелькались, вот я и подумал о тебе.

– Так, какого черта она до этого выпендривалась?

– А ты знаешь, сколько наши услуги стоят? – язвительно поинтересовался Крон. – У нее таких денег нет. Даже при всех ее заоблачных гонорарах. А она не хотела, чтобы за нее платил другой человек.

– А ты, случайно, не забыл, что я этим же себе на жизнь зарабатываю? – не менее язвительно спросила я. – Так что расценки я как раз знаю!

– Ника! Мы за очень редким исключением работаем с иностранцами, политиками. Конечно, не первого эшелона. Крупными бизнесменами и так далее. Они все приезжают в Россию со своей охраной, только она здесь бесполезна, потому что реалий нашей жизни не знает. Шефа собой они, конечно, закроют, но вот просчитать ситуацию и исключить вероятность эксцесса они не могут. И здесь подключаемся мы. И гарантируем безопасность охраняемых лиц круглосуточно и в любом месте. И осечек до сих пор, тьфу-тьфу-тьфу, не было! Вот так-то!

– Да уж! Не завидую я твоей работе. Ни сна, ни отдыха, ни продыха, – сочувственно произнесла я.

– А что мы с тобой еще умеем делать? – грустно усмехнулся Крон. – Или убивать, или спасать. Ладно, давай не будем о грустном. Перейдем к делу. Все, что я тебе рассказал о Ермаковой, только для личного пользования, упаси тебя бог дать ей понять, что ты что-то лишнее о ней знаешь, потому что информация получена не только от клиента, но и оперативным путем. Не стоит Анне знать, что мы в ее биографии копались.

– Поучили меня! Поучи щи варить! – съехидничала я.

– И все равно должен был предупредить, – нимало не смутился он. – К тому же я хорошо помню, что повариха из тебя никакая, так что терпи. Далее. Работай на предупреждение инцидентов. Боевые приемы применять, только если существует реальная угроза жизни или здоровью Анны. Во всех остальных случаях обходись подручными средствами.

– Хорошо! Изобрету стиль «пьяная провинциалка». Против него даже «пьяный кулак» не устоит, – буркнула я. – Да и обычная деревянная швабра-лентяйка в умелых руках ничуть не хуже шеста.

– Поохми мне еще! – огрызнулся он и попросил: – Возьми с заднего сиденья «дипломат», открой и ознакомься – это для тебя.

В «дипломате» оказались пистолет в наплечной кобуре, запасные обоймы к нему и поясная кобура.

– Думаешь, понадобится? – спросила я.

– Дай бог, чтобы я ошибся, – вздохнул он. – Разрешение на оружие выписано на твое имя, удостоверение сотрудника ООО «Гардиан» – тоже.

– Так это же фотография из моего личного дела! – невольно воскликнула я, рассматривая документы. – Как вы до него добрались?

– Нас этому учили, – ответил Крон фразой из известного сериала и, предупреждая мои последующие расспросы, продолжил: – В смартфон уже вбиты номера Ермаковой, мой номер как Крон, а также номера охранников из машины сопровождения и якобы рабочих

из вагончика. Чтобы тебе не заморачиваться с именами, я обозначит ребят из машины как Первый и Второй, а из вагончика как Третий и Четвертый. Гарнитура блютуз прилагается. У них твой номер уже есть. В общем, разберешься.

– Ребята что, без выходных и проходных работают? – удивилась я.

– Нет, просто смартфоны передаются новой смене. Кстати, машины каждый день разные, чтобы не примелькались. Ты перед выходом откуда бы то ни было будешь звонить на какой-то из номеров в машине, и тебе доложат, как обстановка. Поняла?

– Да, серьезно у вас дело поставлено, – с уважением сказала я и стала смотреть дальше.

Еще в «дипломате» лежали баллончики со слезоточивым газом, жгучим перцем и электрошокер (судя по маркировке, убойной силы), а в маленьком кейсе оказалась масса очень полезных вещей: работающие в автономном режиме миниатюрные видеокамеры с картой памяти, «жучки», диктофоны и прочие шпионские приамбасы.

– Не уверен, что тебе это пригодится, но на всякий случай положил – мало ли что. Пользоваться умеешь?

– Обидеть хотел? – укоризненно спросила я. – У тебя получилось!

– Техника последнего поколения, вдруг у вас в городе такой нет? – объяснил Крон. – Там еще два конверта: в одном деньги на расходы, сразу рубли, чтобы тебе на обмен валюты не отвлекаться, а во втором фотографии. Брюнет с залысинами и карими глазами – Тихонов, рядом с ним – те два мордоворота, что сегодня приезжали к дому Ермаковой. На остальных – подчиненные Тихонова, сотрудники службы безопасности. Это чтобы ты их сразу опознала, если придется с ними столкнуться. Плюс снимок машины Тихонова.

– А по виду и не скажешь, что он такая сволочь, – покачала головой я, рассматривая фотографию Тихонова. – Вполне благообразен. Правду говорят, что внешность обманчива.

Крон мне на это ничего не ответил – его бывшая жена своим кротким видом могла бы поспорить с ангелом, а на самом деле была законченной стервой. И счастье великое, что он с ней расстался. Расспрашивать Крона о личной жизни я не собиралась, если захочет, сам расскажет. А поскольку все деловые вопросы мы уже обсудили, то всю остальную дорогу просто болтали, так сказать, «бойцы вспоминают минувшие дни», ну и далее по тексту. Наконец он остановился и сказал:

– Приехали. Сейчас мы...

– Подожди, я сама определяюсь на местности, – перебила его я. – Нас в свое время по Москве гоняли так, что я ее неплохо изучила. Конечно, многое изменилось, но станции метро вряд ли переносили. А это, если я не ошибаюсь, как раз напротив нас «Алексеевская». Значит, мы на проспекте Мира. Куда дальше?

– Это адрес Ермаковой. – Крон протянул мне листок. – Тебе нужен вон тот дом. – Он показал на «сталинку» на другой стороне улицы. – Второй подъезд, пятый этаж. Об охране я тебя уже предупредил. На улице вас по-прежнему будут страховать. При малейшем отклонении от штатной ситуации немедленно звони ребятам в машину и мне в любое время дня и ночи. Если все спокойно, будешь отчитываться передо мной каждый вечер, когда вы домой вернетесь. А теперь вперед.

Видимо, охранникам в подъезде начальство устроило такой разгон, что парень меня только что с пристрастием не допрашивал и умерил служебное рвение только после того, как Ермакова подтвердила ему по телефону, что действительно ждет свою родственницу Женю, которая приехала погостить. Поднявшись на пятый этаж, я тут же увидела открытую дверь, и в проеме стояла девушка лет двадцати пяти. Я сверилась с адресом на листке – нет, все правильно, та самая квартира. Видя мое недоумение, девушка, чуть улыбнувшись, поинтересовалась:

– Женя, мне вам свой паспорт показать?

Услышав голос Ермаковой, я окончательно обалдела, и она поторопила меня:

– Да проходите же вы!

Я вошла в просторную прихожую и осмотрелась – особой роскоши не наблюдалось, да и уюта тоже: или у Анны не оставалось для его наведения времени и сил, или не было желания его наводить, потому что не для кого.

– Сейчас я покажу вашу комнату, а потом покормлю – вы же с дороги.

– Спасибо, но я на ночь не ем, – отказалась я. – А вот чаю выпила бы. – Надо же было нам с ней поговорить.

– Хорошо, тогда и я с вами за компанию, – согласилась она и развела руками: – Только предложить мне вам к чаю нечего. Я не держу в доме конфеты, тортики, сахар и прочие вредные вещи. Но есть сахарозаменитель, хороший, натуральный – стевиозид в порошке, я его из заграницы привезла. К нему, правда, привыкнуть надо, потому что вкус у него своеобразный. О господи! – воскликнула она. – Как хорошо, что я о нем заговорила! У меня же в театре он закончился, нужно в баночку насыпать и прямо сейчас в сумку положить, а то утром и забыть могу.

Ермакова вела себя очень радушно, показала мне не только мою комнату, но и всю квартиру, выдала чистые полотенца, а потом провела в кухню. Пока она накрывала на стол и отсыпала из большой упаковки сахарозаменитель, я спросила:

– Анна Николаевна, простите за нескромный вопрос, но где вы молодильные яблоки достали? Эффект просто потрясающий! Шея и руки первыми выдают возраст женщины, а у вас они как у девочки!

– Увы, в России такие яблоки не растут. Но вам они еще много лет не понадобятся, так что не расстраивайтесь, – улыбнулась она и предложила: – Женя, поскольку мы с вами троюродные сестры, давайте обращаться друг к другу по имени.

Во время чаепития впустую мы с ней, стараясь делать это незаметно, рассматривали друг друга. Наконец я решила, что нужно прояснить некоторые моменты, и начала издалека:

– Анна, я уже много лет работаю телохранителем, поэтому могу вас заверить, что рядом со мной вам никакие неприятности не страшны. Но чтобы мне быть готовой к любому развитию событий, я должна знать, что конкретно вам грозит. Как мне сказали, некто Тихонов проявляет к вам очень настойчивый интерес и это вам не нравится.

Едва я начала этот разговор, как Ермакова встала и, отойдя к тумбочке, стала искать что-то в ящике, явно чтобы скрыть замешательство. Не самый вежливый способ общения – стоять спиной к собеседнику, но я понимала, что мои вопросы ей неприятны, и не обижалась. Кивнула она мне в ответ, соглашаясь, и то хорошо.

– Анна, скажите, чем вызвана его настойчивость? Если только желанием вернуть вас, то у меня будет одна тактика вашей защиты. Если желанием отомстить вам, причинив неприятности, – другая. Если же вы случайно получили на него какой-то компромат, а он об этом узнал и теперь хочет его у вас отобрать, – третья. А есть еще и четвертая, и пятая, и так далее. Поймите, я не из пустого любопытства спрашиваю.

– Хорошо, – сказала она, возвращаясь за стол и садясь напротив меня. – Я не знала о том, что он был офицером ФСБ, потому что он представился мне как просто отставник-военный. После того как он неудачно баллотировался в Госдуму, мне на адрес театра пришло письмо из Челябинска. В нем одна женщина предупреждала меня, что Тихонов законченный мерзавец, которому ни в коем случае нельзя верить. Этот человек начал свою службу в КГБ, еще там и честностью не отличался. Когда была обнаружена утечка информации, он сумел перевести стрелки на своего сослуживца, и в отношении того было заведено уголовное дело. Этот сослуживец был порядочным человеком, а такие очень болезненно реагируют на несправедливость, тем более что стараниями Тихонова эта история стала достоянием гласности. Этот сослуживец изо всех сил стремился доказать свою невиновность, но не

успел – умер от инфаркта. Его жена мне и написала. Потом в этой истории все-таки разобрались, нашли реального виновника – Тихонова, но тот к тому времени служил уже в Москве. Шума решили не поднимать и дело спустили на тормозах.

– Почему вы безоговорочно поверили этому письму? – поинтересовалась я.

– А это еще не все. – Анна вздохнула и продолжила: – Я не стала показывать Тихонову письмо и даже пересказывать его содержание. Я просто спросила, почему он не сказал мне правду, что был офицером ФСБ. И он мне ответил: «Как же я мог тебе это сказать, если ты сама заявила, что никогда в жизни гебью руки не подашь».

– Гебью? – удивленно переспросила я.

– Есть у Фридриха Незнанского такое выражение – «гебьё», оно у него обозначало худший тип комитетчиков. Но не это главное, а то, что я так действительно сказала. Но только один раз в жизни. В далекие девяностые. Я тогда с успехом снялась в одном фильме, и молоденькая журналистка брала у меня интервью. Вокруг кипели нешуточные страсти, поэтому без вопросов о политике не обошлось. Я тогда сказала, что политикой не интересуюсь, но есть принципы, которым не изменю никогда, вот тогда я и произнесла эти слова. Но в окончательный вариант статьи, который был напечатан в журнале, они не вошли. А были мы с этой девушкой только вдвоем, без посторонних. Я Тихонову ничего говорить не стала, а нашла эту статью в своем архиве и потом разыскала ту журналистку. По описанию она узнала Тихонова и сказала, что к ней действительно обращался мужчина, который решил написать обо мне книгу. Он произвел на нее наилучшее впечатление, и они за дорогим обедом в модном ресторане очень много обо мне говорили. Подозреваю, что не только за обедом, и эта встреча не была единственной, но доказательств у меня нет. Только вот, обращался он к ней прошлой зимой, когда мы с ним еще даже знакомы не были. Думаю, что с другими людьми он тоже разговаривал, чтобы выяснить обо мне все, что только возможно. Изучил и познакомился. То-то я удивлялась, что мне с ним так легко, словно мы всю жизнь друг друга знали. Я тогда взяла у соседа машину, загримировалась, проследила за Тихоновым и увидела, что он встретился с молодой девушкой, и, судя по их поведению, явно не бизнес их связывал. Вот тогда я и поняла, что он решил меня использовать. Потому и в Челябинск тащил, и на митинг, что на проспекте Сахарова планировали провести, уговаривал пойти. Представляете себе, Женя, как я себя чувствовала? Словно меня вывалили в грязь и выставили на всеобщее посмешище.

– И вы дали интервью, в котором заявили, что замуж не собираетесь, чтобы ваше имя больше не связывали с Тихоновым, – продолжила я.

– Да, и сбежала в Канаду. У меня там живет очень близкая подруга, мы с ней вместе выросли, она мне как сестра. Она меня как увидела, так чуть в обморок не упала, говорила, что я выглядела хуже, чем после самоубийства мужа. У нее в числе прочего есть косметический салон, вот там меня и возвращали к жизни.

– За что же вы так чекистов не любите? – поинтересовалась я.

– За то, что моего деда со стороны мамы, обычного преподавателя математики в институте, расстреляли как английского шпиона. Бабушка двенадцать лет провела в лагере, а потом на поселении, а моя мама попала в детдом. И встретиться они смогли только в 1953-м, когда бабушка, седая и больная, маму каким-то чудом нашла – фамилию-то маме помнили. За то, что моего деда со стороны отца уже после войны по ложному доносу посадили в лагерь, где его убили уголовники. Потом обоих дедушек и бабушку реабилитировали. Я читала их дела. Я своими глазами видела капли крови на листах. И вы хотите, чтобы я все это забыла и простила? – Она горько усмехнулась. – Нет, не забуду и не прощу! Не дождутся!

– Да уж, история у нашей страны непростая, – сказала я, чтобы хоть как-то закрыть эту тему. – Но давайте вернемся к нашему делу. Значит, вы считаете, что Тихонов хочет вас вернуть, чтобы использовать вашу популярность в своих целях?

– Да! Или отомстить, потому что у него это не получится.

– А то письмо цело?

– Конечно, – кивнула Ермакова. – Хотите его взять?

– Пока нет, потому что мне нужно подумать, как с наибольшей пользой для вас его использовать. А теперь давайте обсудим завтрашний день. Во сколько вы обычно встаете?

– Рано, я жаворонок.

– Вот и замечательно. Значит, я не рискую вас разбудить, потому что сама встаю в шесть часов. Какие у вас планы?

– В десять часов репетиция, потом я обычно возвращаюсь домой и отдыхаю, а вечером спектакль. Я собиралась выехать утром в восемь, чтобы к девяти быть в театре – мне надо настроиться и подготовиться, но, если надо, я могу изменить...

– Ничего не надо менять, – помотала головой я. – Тихонов, конечно, мерзавец, но не дурак. Он уже попробовал пообщаться с вами возле вашего дома, но у него ничего не получилось, значит, он если и предпримет вторую попытку, то в другом месте.

Мы разошлись по своим комнатам, но я долго не могла уснуть, потому что анализировала сложившуюся ситуацию. Решать, что делать с письмом, я не собиралась, пусть об этом у Крона голова болит. Меня беспокоило другое. Тихонов сказал, что Анна еще пожалеет о том, как обошлась с ним. Ляпнул он это сгоряча, но это все равно угроза, высказанная при свидетелях. Теперь любое несчастье, которое, не дай бог, произойдет с Ермаковой, будут связывать с ним. А он не дурак и прекрасно это понимает. Значит, выхода у него два: или он организует все так, чтобы на него не пало и тени подозрения, или отказывается от мести. Судя по тому, что он законченный мерзавец, второй вариант отпадает. Но на подготовку серьезной бяки ему потребуется время. Но это же время будет и у меня – для того чтобы как следует осмотреться и выработать контрмеры.

И с мыслью, что по утрам я обычно мудренее, чем вечером, я уснула.

Хамить не надо.

Вторник

Нет, я, конечно, тоже слежу за своей фигурой, но овсяная каша на воде без масла (о сахаре или меде я вообще молчу), фруктовый салатик и зеленый чай на завтрак – это перебор! Единственное, что примирило меня с таким началом дня, – это совершенно потрясающий кофе, который Анна варила, как только вставала, и пила еще до завтрака, наверное, чтобы взбодриться. Так что от этой трапезы воспоминаний не осталось даже раньше, чем мы приехали в театр. «Надо как-то спастись, – думала я. – Придется хоть консервы и хлеб купить, чтобы потихоньку есть в своей комнате, а то ведь оголодаю так, что ноги таскать перестану. Какая уж тут из меня защитница?»

Собираясь для выхода из дома, я постаралась предусмотреть все – мало ли как карта ляжет? Я собрала волосы в узел на затылке, чтобы не мешали. Это только в плохих фильмах женщина-телохранитель ходит с длинными распущенными волосами, а на самом деле в случае серьезной потасовки это ее уязвимое место: схватит ее сзади кто-нибудь за гриву, и останется ей только или сдаваться, или добровольно скальпироваться. Вместо джинсов я надела брюки из трикотажа, которые не ограничивают движения – вдруг придется кому-то ногой врезать, кроссовки (само собой), шерстяной джемпер, поверх которого – наплечную кобуру с пистолетом, потому что поясная более удобна при ходьбе, а вот сидеть, когда она врезается тебе в живот, не слишком приятно. И поверх всего я надела просторный жилет со множеством накладных карманов, куда распихала баллончики, электрошокер, запасные обоймы и нож. Удостоверение, разрешение на оружие и водительские права я положила в нагрудный карман. Оглядев себя в зеркало и убедившись, что ничто ниоткуда не выпирает, я положила в сумку ноутбук и маленький кейс со шпионской аппаратурой. «Господи! Да я словно на боевую операцию собираюсь», – мысленно хмыкнула я и тут же одернула себя, потому что, когда вокруг сплошные непонятки, нужно быть готовой ко всему. Повесив себе на правое плечо сумку так, чтобы ремень от нее шел наискосок через грудь и спину, а сама она висела слева, я решила, что готова к работе. Кстати, еще один жирный ляп во многих фильмах: руки у телохранителя всегда должны быть свободны. Всегда! И когда я вижу, как телохранитель держит над своим клиентом раскрытый зонтик, мне остается только вздохнуть – хоть бы эти кинодеятели у профессионалов консультировались, что ли.

Потихоньку от Анны – ну зачем ей знать, сколько человек занято в ее защите? – я выяснила у охраны, что возле подъезда все чисто, и мы вышли из дома. Машину, неприметный серый «Форд», вела она, причем медленно и не очень уверенно.

– У меня технический антиталант, – объяснила Анна. – А автомобиль я купила только для того, чтобы не пользоваться метро, потому что постоянно ездить на такси дорого.

– Поклонники досаждают? – догадалась я.

– Увы! Люди порой бывают ужасно бесцеремонны, – раздраженно ответила она. – Запросто подходят к тебе в любом месте и предлагают «сфоткаться». Ненавижу это слово, как и весь современный жаргон! – передернулась она. – Не просят разрешения тебя сфотографировать, а именно «сфоткаться» вместе, чтобы потом выложить снимок с тобой в этих ужасных социальных сетях и похвастаться. И отказ они воспринимают как личное оскорбление, как будто я обязана с ними фотографироваться.

– Они судят об артистах по тем «звездюлькам», которые ради дешевой популярности сами лезут во все щели-дыры и готовы на любые выходки, только чтобы привлечь к себе внимание СМИ. Когда им удастся влипнуть в какой-то скандал и их обсуждают по телевизору и в Интернете, они счастливы беспредельно и считают себя звездами первой величины.

Потом случается другой скандал, о них забывают, и они ищут новый повод напомнить о себе. Стараясь перещеголять друг друга, вываливают на всеобщее обозрение и обсуждение самые интимные подробности своей жизни, а – простите за жаргон – пипл хавает все это с чавканьем, урчанием и требует еще. Вот и получается эдакий круговорот звездюлек на телеэкране.

Говорить-то я говорила, а сама сидела как на иголках, готовая в любой момент перехватить управление машиной. Какой, к черту, технический антиталант? Тут уже кретинизмом пахло, потому что водитель из Ермаковой был, как из меня кулинар, то есть никакой! По мере того как мы ехали, у меня в душе все сильнее нарастало желание по окончании этого дела найти того, кто дал Анне права, и поговорить с ним – без соблюдения общепринятых норм этикета. Когда мы уже подъезжали к театру, я с облегчением вздохнула. Ра-а-ано я обрадовалась! Наблюдая за тем, как Анна паркуется, я поняла, что одним разговором с этим человеком дело не обойдется, буду бить! Она, конечно, гениальная актриса, но пускать ее за руль можно только с диверсионной целью, потому что медведь на велосипеде по сравнению с ней – мастер фигурного вождения. Того количества матюков и гневных сигналов в наш адрес, которые мы получили за одну только поездку, мне на три жизни хватило бы, а ведь она ездит на машине несколько раз в день. Наконец все закончилось, и, глядя на то, как она расслабилась в кресле, я поняла, почему она так долго приезжает даже на репетицию – чтобы элементарно успокоить нервы; видимо, каждая поездка для нее самой – настоящее испытание!

– Анна, я вот что подумала. Пока я рядом, давайте я буду водить машину. Вы только доверенность на меня оформите, – предложила я.

– Правда? – искренне обрадовалась она. – Ой, как хорошо! Я вообще-то хотела попросить вас сесть за руль, но постеснялась. Сегодня после репетиции и оформим.

А уж как я этому обрадовалась! Как-то не хотелось мне погибнуть в расцвете лет в банальной автомобильной аварии.

Мы вошли в театр со служебного входа, и я увидела, как в застекленной конторке охранника – я даже не думала, что такие еще сохранились, – при нашем появлении поднялся пожилой мужчина.

– Здравствуйте, Анна Николаевна, – приветливо сказал он. – Кто это с вами?

– Родственница вчера приехала погостить, вот я и привела ее с собой, чтобы показать, где служу. Ее Женя зовут.

– Здравствуй, девушка Женя, – улыбнулся он мне. – Меня Степанычем кличут. Если что спросить захочешь или посмотреть, обращайся.

– Спасибо, непременно – мне же никогда не доводилось бывать в московском театре по другую сторону занавеса, – покивала ему я, отметив, что он вооружен, но вряд ли боевым оружием, скорее всего «травматом».

Удивляясь, что Анна не взяла у охранника ключ, я шла за ней по коридору. Когда мы подошли к большой массивной двери, она достала из сумки замысловатой формы старинный ключ и отперла замок. Гримерка оказалась большой и светлой комнатой, и я стала с любопытством ее осматривать: вешалка-стойка, гримировальный столик, довольно-таки потрепанный диван с журнальным столиком сбоку, одно кресло, два стула и старинный шкаф с зеркальными дверцами – до того огромный, что в нем вполне комфортно могло бы разместиться стадо слонов. Увидев, что я с интересом его рассматриваю, Ермакова объяснила:

– Здание построили еще до революции, так он – его современник – и стоит здесь с незапамятных времен. Мне кажется, что его как после постройки сюда внесли, так больше и не трогали. За время моей службы в театре было уже четыре ремонта, но его ни разу никто и не пытался с места сдвинуть – тяжести он неподъемной.

Говоря все это, Анна подошла к стоявшей возле окна тумбочке, на которой были электрочайник, банка с дорогим растворимым кофе и упаковка очень недешевого зеленого чая в пакетиках, и выставила туда же банку с сахарозаменителем.

– Посуда внутри, вода вот. – Она показала на пятилитровую бутылку, стоявшую рядом с тумбочкой на полу. – Если захотите что-то, то берите и пользуйтесь, а сейчас мне нужно сосредоточиться.

Анна приготовила себе кофе, взяла какие-то листки, села на диван и отрешилась от всего сущего. После такого ходить по гримерке, греметь чашками и вообще производить какой-то шум мне показалось неуместным, и я, сев в кресло, принялась просто ждать, не решаясь даже встать и взять с полки возле гримировочного стола какую-нибудь книгу. Но тут дверь открылась, и в комнату вошла невысокая, стройная пожилая женщина в брюках, которая с порога сказала:

– Доброе утро, Анечка! Как настроение?

– Здравствуй, Сашенька! – отозвалась Ермакова, нимало не рассердившись на то, что ее побеспокоили. – Все нормально. Вот познакомься, это – Женя. Женя, это – Александра Федоровна Ковалева. Официально – костюмерша, а неофициально – мой добрый ангел-хранитель, без которого я давно пропала бы.

– Да ладно тебе! – отмахнулась та, окидывая меня с ног до головы пристальным взглядом.

Я тоже с интересом рассматривала этого престарелого ангела. На вид женщине было шестьдесят – шестьдесят пять лет, одета просто и строго, совершенно седые волосы коротко подстрижены, руки с маникюром, но макияжа никакого. Одним словом, ничего примечательного.

– Вот что, девица, – решительно сказала она, закончив меня рассматривать. – А пошли-ка мы с тобой отсюда, чтобы не мешать Анечке к репетиции готовиться.

Вообще-то я и сама понимала, что одним своим, пусть и безмолвным, присутствием в комнате мешаю Ермаковой, но оставить ее одну?

– Действительно, Женя, идите – мне сосредоточиться надо, – попросила Анна. – А Сашенька вам театр покажет, расскажет о нем.

Поколебавшись, я все-таки вышла вместе с Ковалевой, и она повела меня в зрительный зал, объяснив, что там нам никто не помешает поговорить. Заинтересовавшись, какие же страшные тайны она мне собирается поведать, я не возражала. Когда мы сели на кресла в последнем ряду, она совершенно неожиданно для меня произнесла:

– Начнем с того, что я знаю, кто ты. Во-первых, это я после вчерашнего уговорила Анечку все-таки взять себе охрану. Будь я помоложе, я бы эту сволочь сама от нее отвадила, но я старуха, мне это уже не по силам. Пантелеич в прошлый раз его отсюда хорошо турнул, больше не сунется.

– А Пантелеич – это?..

– Один из охранников. Да и остальные так же поступили бы – они Анечку очень уважают. Их у нас тут четверо, все бывшие менты, службу знают и совесть не потеряли. Красть в театре нечего, но журналюги постоянно пытаются со служебного входа внутрь попасть – все надеются что-нибудь «жареное» разнюхать и статейку тиснуть. А мужики на деньги не зарятся и взащей их гонят.

– А во-вторых? – напомнила я.

– А во-вторых, даже если бы это было только ее решение, она мне все равно об этом сказала бы – у нее нет от меня тайн. Знает она, что я люблю ее как родную дочь, вот ничего и не скрывает, потому что понимает: все, что я делаю или говорю, только для ее пользы. Как ты ее на улице и в других местах будешь охранять – твое дело, я в этом ничего не понимаю. Ты и здесь постарайся ее от всех защитить, только местных народных обычаев не знаешь. А

в театре свои законы, для чужого человека тут многое может показаться странным, поэтому я тебя прошу с шашкой наголо в бой не бросаться. Прежде чем что-то сделать, ты меня хотя бы в известность поставь, а то по незнанию можешь таких дров наломать, что они потом и на растопку не сгодятся. А я хотя бы от непоправимых ошибок тебя остановлю.

– Анне в театре что-то угрожает? – напрямую спросила я.

– Физически – ничего, а морально... – Она со всхлипом вздохнула. – Ты тут посиди в уголке тихонечко да репетицию посмотри, сама все поймешь. А не поймешь, так я тебе растолкую. Пока репетиция не началась, ты в фойе пойдешь да фотографии посмотри, чтобы знать, кто есть кто, а потом незаметно в зал возвращайся, а то Воронцов орать будет.

– А это кто? – поинтересовалась я.

– Увидишь, – выразительно ответила она и ушла.

Я прогулялась по фойе, поднялась по лестнице наверх, пользуясь тем, что двери лож были открыты, посмотрела на зал сверху и, увидев, что в зале и на сцене началось какое-то движение, спустилась вниз. Устроившись на последнем ряду, я стала наблюдать за тем, что происходит, но хватило меня только на десять минут. Я даже толком не поняла, что именно они репетировали, потому что какой-то сидевший за столом в зале мужик с визгливым голосом и обширной лысиной буквально фонтанировал оскорблениями в адрес Ермаковой. То она не так ходила, не так стояла, то не так говорила, а уж шпильки с намеком на ее почтенный возраст, да все с потугой на остроумие, так и сыпались. Словом, издевался как мог! Анна стоически все это терпела, а вот вторая актриса на сцене, в которой я по фотографии узнала Дарью Лукьянову, верноподданнически подхихикивала и была явно довольно происходящим. Когда желание убить этого мужика стало уже нестерпимым, я вышла из зала и пошла к охраннику.

– Степаныч, ты сигаретами не богат? – спросила я, хотя в последний раз курила еще на службе.

– Чего это ты? – удивился он, но полез в карман. – Только у меня самые простые.

– Мне без разницы, – отмахнулась я, беря сигареты и зажигалку.

– Ты на репетиции, что ли, была? – догадался охранник, и я кивнула. – Тогда понятно, – криво усмехнулся он. – Опять из Вороны дерьмо поперло.

– Неужели его никто не может поставить на место? – возмущенно спросила я.

– Щас! Пантелеич ему как-то высказал все, что накопело, и без премии остался, а теперь новую работу ищет. Иди, успокойся! У нас внутри курить запрещено, так мы возле двери дышим.

Покурив на улице, я вернулась внутрь, отдала Степанычу сигареты с зажигалкой и, выяснив у него, что Ковалева у себя в костюмерной, отправилась к ней за обещанными разъяснениями.

– Да уж! Перевернуло тебя! – покачала головой она при виде меня. – Садись! Делись впечатлениями!

Запах в завешенной самыми разными нарядами костюмерной стоял не самый приятный, но мне было не до того – меня трясло от ярости.

– Теперь я понимаю, почему Анна приезжает на репетицию за час! Не только для того, чтобы после поездки на машине успокоиться, но и для того, чтобы морально подготовиться к этим издевательствам! Но почему она их терпит? Она же может отказаться от этой роли! Все-таки народная артистка России, а не кто-нибудь!

– Народная, и что? – невозмутимо спросила Ковалева. – Звания здесь ни при чем! Ты заруби себе на носу, что самая зависимая профессия – это артисты! А вот режиссер – бог и царь! Он может любую приму с главной роли снять и отдать ее никому не известной актрисушке. И никто ему ничего не сделает! Неужели ты думаешь, что Анечка от хорошей жизни все это терпит? Да с тех пор, как эта история началась, она только на пустырнике и держится!

– Александра Федоровна, я обязана обеспечивать Анне покой душевный и физический, мне за это деньги платят. Поэтому давайте подробно, что это за история, – потребовала я.

– Она не сегодня началась. Анечка в кино долго снималась, а спектакли с ее участием в это время никто, естественно, с репертуара не снимал, все ее роли играла Зойка Сизова. Баба она небездарная, но до Ани ей далеко. Вернулась Анна и снова стала сама играть. И тут Борьке нашему Димку Воронцова навязали...

– Борька – это?..

– Главреж наш, – поморщилась Ковалева.

– Что же вы о нем так презрительно? – удивилась я.

– Так, в деревнях козлов издавна Борьками называли, – усмехнулась она. – Вот и наш хоть и на двух ногах ходит, а козел и есть!

– Понятно. А что собой Воронцов представляет? Давайте о нем поподробнее.

– Бездарь полная, а мнит о себе черт-те что. Он, мол, окно распахнул, чтобы впустить свежий воздух в затхлый мир классики, а те, кто не способен понять его новое прочтение старых произведений, – ретрограды и быдло необразованное. Но тут вот какое дело: он женат на Томке Гогуга, дочери Томаса, царствие ему небесное. Пока тот был жив, держал зятя при себе помощником режиссера, ассистентом, вторым режиссером, воли ему не давал. Да и под присмотром он у того был, потому что кобель Димка законченный. Правда, от Томки и святой бы гулять начал – страшна как черт.

– Зачем же он на ней женился?

– Так Димка из глухой провинции, из Семипалатинска. Как уж он на Высшие режиссерские курсы проскользнул, не знаю. А Томка на сценариста училась. Томас решил, что режиссура не для нее, но она крепким профессионалом стала, сценарии у нее, как с конвейера, слетают. Короче, Димке надо было в Москве зацепиться, вот он за Томкой и начал ухлестывать. Та и рада – с ее внешностью выбирать не приходилось, а Воронцов красавчиком был, это сейчас уже истаскался и на помойного кота похож. Конечно, Томас все видел, а куда деваться, если Томка его точная копия: и рост, и очень впечатляющих размеров нос, и волосатость по всему телу повышенная. А как Томаса не стало, Димка волю почувствовал и загулял. Тогда Томкины племянники (их у нее четверо от двух старших братьев) его вразумили. – Она показала кулак. – Больше он откровенно не котовал, но гулять по-тихому продолжал.

– Ближе к делу можно? – не выдержала я.

– Уже подхожу. Гогуга – семья в Москве известная, благодаря ей Димку пригласили в Москву в один театр спектакль поставить. Не помню уже, что это было, но испаскудил он классика так, что народ с премьеры даже не в антракте, а прямо из зала с первого акта валом повалил, и спектакль с репертуара сняли. Димка вопил как резаный, что он художник, он так видит, это новое прочтение. Ладно. Опять за него попросили, и он уже в двух других театрах по спектаклю поставил – с таким же неуспехом. После этого с ним уже никто связываться не хотел. И начал он по стране разъезжать. А в провинции народ напуганный, думает: ну раз режиссер из Москвы, так он нам сейчас такое сделает, что все ахнут. Только он и там жидко обделался. Но он ведь еще и кобелировал напропалую. И опять Гогуга постарались, нашли ход к кому-то в департаменте культуры и вернули блудного во всех смыслах этого слова Томкиного мужа в Москву, да еще в наш театр. Это еще до отъезда Анечки в Канаду было. Только вернулся Димка не один, а с Дашкой Лукьяновой. В своем обозе из Тамбова ее привез. Таланта ни на грош, но наглая беспредельно, на морду смазливая, а уж пробивная сила – как у танка. Она в него вцепилась мертвой хваткой, а этот кретин млеет – он же ее на тридцать лет старше. И решил этот придурок «Маскарад» ставить. По мотивам! – язвительно выговорила она. – Ты содержание помнишь?

– Так это был «Маскарад»? – воскликнула я. – По-моему, там от бедного Лермонтова ничего не осталось. Но я не думаю, чтобы Анна...

– И правильно думаешь! Она сказала, что *это* без нее – уж она-то про выдающийся Димкин талант испахабить все до полнейшего паскудства хорошо знает. Я текст читала, так там Нина догола перед мужем раздевается, постельных сцен немерено, а еще ее рвет прямо на сцене. Это у Воронцова такое новое видение Лермонтова! – возмущенно воскликнула она. – Господи! Раньше одним взглядом могли любовь сыграть, а современные актеры или глаза пучат так, словно у них запор, или под одеялом судорожно дергаются! Это теперь так любовь изображают! Что в кино, что в театре!

– Давайте к делу вернемся, – попросила я.

– А это тоже к делу относится, – возразила она и продолжила: – В общем, Димка начал репетировать с Дашкой в роли Нины Арбениной, хотя ей эта роль как корове седло, а Верка Морозова, она у нас уже с год служит, – баронесса Штраль.

– Я не специалистка, но, судя по фотографии, Морозова же классическая травести! – удивилась я. – Какая из нее баронесса Штраль?

– Зато подруга Лукьяновой! – язвительно произнесла Ковалева. – Анечка, добрая душа, ее привечает, но я с нее глаз не спускаю! Как говорится, «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Ладно, не об этом сейчас! Короче! Нас это не касалось, а они пусть бьются головушкой о стеночку – их дело. Потом Анечка срочно уехала на месяц в Канаду.

– Подробности не нужны, я их уже знаю, – вставила я.

– Тем лучше, – кивнула Ковалева. – Вернулась оттуда – мы ее не узнали! Девчонка, что лицом, что фигурой. Больше двадцати пяти лет, как ни старайся, не дашь! Борька, как ее преобразенную увидел, так и заявил: «Вот она, Нина Арбенина! И другой не будет! Или не будет «Маскарада». Анечка отбивалась руками и ногами, Воронцов бился в падучей, Дашка ему подвывала, а Борька уперся – и все! Я же говорила, что он козел. Он Анне так сказал: «Выгнать Воронцова я не могу, иначе сильно испорчу отношения с мэрией. То, что он сделает из «Маскарада», черт-те что, не сомневаюсь. Хоть как-то вытянуть этот спектакль можешь только ты, иначе будет полный провал. Я тебя прошу: подумай о театре! О нас же такая слава пойдет, что люди дорогу сюда забудут. А это ведь твой родной дом!»

– И Анна согласилась, – понятиливо вздохнула я.

– А куда ей было деваться? – невесело рассмеялась Ковалева. – Хоть и ведущая, и народная, а портить отношения с главрежем – чревато! Может, как я уже говорила, с главной роли снять, а может потом и на съемки не отпустить. И что тогда? Или терять хорошие деньги, потому что на нашу театральную зарплату не очень-то разбежишься, или увольняться.

– А перейти в другой театр?

– Ты думаешь, у Анечки таких предложений не было? – усмехнулась Александра Федорвна. – Были! И не раз! Только она отказывалась. Представь себе, что ты приходишь в чужой коллектив на место ведущей актрисы, а там свои претендентки были, которых ты обошла, и ненавидеть они тебя будут люто! Вот Анечка и не захотела менять свой родной гадючник, где уже всё и всех знает, на чужой, где непонятно, от кого чего ждать. Был бы у нее хоть тыл крепкий, когда есть на чьем плече поплакать, так ведь не было его, да и сейчас нет. Валерка слизняком был, не тем будь помянут. Поддержки от него никакой никогда не было, сам на шее у Анечки камнем висел. Жалела она его, а он ей нервы трепал. Хорошо хоть, освободил ее от себя, а то она бы и по сей день его терпела.

– Давайте к делу вернемся, – попросила я. – Что дальше было.

– А то и было! Согласиться-то Анечка согласилась, но поставила условие: раздеваться она не будет, постельных сцен не будет, блевать на сцене она тоже не будет. Воронцов в голос орал, что ему крылья подрезают, новаторские идеи на корню рубят, что он не откажется от реализации своих творческих замыслов только потому, что старуха Ермакова стесняется своим дряблым телом на сцене трясти. Но это он исключительно от злости, потому что все

видели, как она помолодела и что кожа у нее как шелковая. И Анечка ему внятно объяснила, что с телом у нее все в порядке, но она никогда в порно не играла и впредь не собирается.

– И чем дело закончилось? – с трудом выговорила я, потому что губы от ярости судорогой сводило.

– Сторговались на том, что в одной из сцен она будет в прозрачной длинной ночной рубашке, и все! Остальные новаторские идеи Димки полетели псу под хвост. Дашку перекинули на баронессу Штраль, а Верку вообще в массовку задвинули. Начали репетировать. И тут Димка стал над Анечкой издеваться, что ей, мол, пора о душе подумать, а не молодух играть. Вот Пантелеич и не выдержал и открытым текстом ему при всех заявил, что Ермакова – народная артистка России, обладательница многих высших кинематографических и театральных премий, а он – бездарь, подонок и альфонс. И живет он за счет своей жены, что в плане денег, что в плане работы, потому что он без нее – никто. И если в нем осталось хоть что-то от мужчины, кроме потрепанного хрена, то не следует ему позорить жену, трахаясь со всякими шалавами на складе для мебели. И что Анна для него отныне и навсегда «госпожа Ермакова» и обращаться к ней нужно исключительно на «вы». А если он еще раз посмеет ей нахамить, то Пантелеич его собственными руками кастрирует, причем и на голову тоже. И высказал он это все в таких выражениях, каких я никогда в жизни даже не слышала.

– Только его за это лишили премии, а Воронцов почувствовал себя хозяином положения и продолжает хамить Анне, – добавила я и в ответ на ее удивленный взгляд объяснила: – Степаныч рассказал.

– Так Борька от Пантелеича потребовал, чтобы тот у Димки попросил прощения. Ан шиш! Сам пошел по известному адресу, а Пантелеич заявление по собственному написал. Вот доработает две недели и уйдет.

– Да уж! Ваш Борька действительно козел, – только и смогла заметить на это я и вернулась к прежней теме: – А про склад для мебели – это правда?

– Так у Димки ж ни гроша за душой, чего он снять может? У Дашки – тоже, она с Веркой Морозовой квартиру пополам снимает. Вот они на складе и трахаются. Да об этом весь театр знает. Но за его стенами все чинно и благородно: приходят врозь, уходят врозь и вместе нигде не появляются. У Томки братья – мужики горячие, второй раз они такое оскорбление сестры Димке не простят – вышибут коленом под зад, ну и кому он будет нужен?

– А то в театрально-киношном мире сплетни не распространяются со сверхзвуковой скоростью, – иронично заметила я.

– Ты глянцевого «Мурзилки», что ли, читаешь? – усмехнулась она. – Так там девяносто девять процентов брехни. Все эти романы, разводы, помолвки, скандалы и так далее высосаны из пальца. А Томка в этом мире выросла и цену всем этим слухам знает. Даже если до нее что-то и доходит, она предпочитает делать вид, что слепоглухонемая – раз сама своими глазами не видела, значит, этого нет.

– А мы ее, как котенка, носом в молоко потыкаем! – пообещала я. – Скажите, неужели ключ от склада так просто взять?

– Чего же сложного? Скажет, например, Воронцов, что ему для какой-то сцены кресло надо присмотреть, и возьмет. Только, я думаю, они себе уже давно дубликат сделали.

– И когда они плотскими утехами занимаются? – поинтересовалась я, мысленно похвалив себя за то, что не оставила сумку в гримерке Анны, а взяла с собой. – Я имею в виду, в какое конкретно время? И ключик бы мне от этого склада. А еще выяснить, какой именно сотовый у Воронцова и его номер. Подсобите?

– Женька! Ты чего задумала? – грозно воззрилась на меня Ковалева.

– Я так понимаю, что у Воронцова было тяжелое детство, деревянные игрушки, и никто ему не объяснил, что хамить нехорошо. Я хочу исправить это упущение, – глядя на нее честными глазами, объяснила я. – Анна здесь будет совсем ни при чем! Да и я тоже. Это выс-

шие силы его на путь истинный наставят. И я вас уверяю, что он все осознает и покается. А время их романтических свиданий вы мне все-таки скажите, потому что терять его как-то не хочется. Или вам доставляет удовольствие смотреть, как Анна мучается?

– Черт с тобой! – согласилась Александра Федоровна. – Возьму я для тебя ключ! А трахаются они там, когда Воронцов перерыв в репетиции объявляет. Все, конечно, знают для чего, хихикают потихоньку, но молчат. Пошли! Скажу Степанычу, что мне скамеечка для ног нужна, отекают, мол. А вот насчет сотового?.. Номер-то у помрежа я узнать могу, но вот какой он?..

– Будем надеяться, что не антиквариат и уж MMS как-нибудь примет, – пробормотала себе под нос я.

Спустившись вниз уже по другой лестнице, Ковалева оставила меня возле какой-то двери, а сама ушла. Через некоторое время она вернулась с листком бумаги, на котором был написан номер сотового телефона, протянула его мне и, отпирая дверь склада, пробурчала:

– Пришлось врать, что дальняя родня из провинции участвовала в массовке в одной из постановок Воронцова и теперь хочет ему показаться – вдруг понравится, и он ее в столичный театр возьмет. Я сама, дескать, с ним говорить отказалась, так она умолила меня хоть номер его телефона достать, а там уж она сама его уговорит. Помреж у нас человек неглупый, тут же понял, что вранье это чистой воды, но он и сам от Воронцова натерпелся, а мужик он злопамятный, так что дал номер без звука. А еще сказал, что у него смартфон последнего поколения.

– Вот видите, у нас уже и союзник появился, – подбодрила ее я.

Войдя на склад, Ковалева действительно начала искать себе скамеечку, а я под ее взволнованный шепот – «А что это такое? Ты чего делаешь? А это зачем? И что из этого получится?» – сориентировалась и закрепила камеру наверху стоявшего возле стены шкафа так, чтобы разложенный прямо посередине комнаты диван, кстати, застеленный несвежей простыней, был точно в фокусе. Выйдя из склада и заперев за нами дверь, Александра Федоровна со скамеечкой в качестве вещественного доказательства чистоты своих помыслов и деяний отправилась возвращать Степанычу ключ, а я поднялась к костюмерной и ждала ее там. У вернувшейся Ковалевой глаза от любопытства горели, как два прожектора.

– Женька! Еще и ты мне нервы мотать будешь? – с ходу начала она. – А ну рассказывай, что ты натворила и чем это нам поможет!

Я задумалась, как бы подходчивее объяснить технически отсталому человеку, что и для чего я сделала, но, увидев, что она уже наладилась дать мне подзатыльник, быстро ответила:

– Александра Федоровна! Камера запишет все, что будет происходить на складе, а мы потом сможем это посмотреть.

– Эта крохотулька? – недоверчиво спросила она, и я кивнула. – А если у нее батарейка сядет?

Тяжко вздохнув, я стала объяснять ей принцип работы камеры. Вряд ли она поняла из моих слов хотя бы десятую часть, но благоразумно не стала углубляться в технические тонкости, решив, что тогда запутается еще больше.

– Скажи, что мы в результате получим? – потребовала она.

– Увидите! – многообещающе заявила я и не только успела увернуться от подзатыльника, но и перехватить ее руку, а то она ударилась бы о стеллаж, возле которого я сидела. – Ждать-то немного осталось, потерпите! – попросила я гневно сопевшую костюмершу.

– Стара я стала, – с горечью произнесла она. – А ведь я раньше мух так ловила, и ни одна от меня не ускользнула.

– Да вы и сейчас хоть куда. Просто у меня класс ускользания выше, чем у мух, – попыталась я утешить ее.

– Паршивка! – уже беззлобно буркнула она и, посмотрев на часы, сказала: – Обычно в это время Димка с Дашкой развлекаться ходят. Пошли-ка мы вниз. Анечка, наверное, уже у себя или вот-вот подойдет.

– Только вы ей ничего не говорите – не стоит ей знать, что мы сделали, – попросила я.
– И как я, недогадливая, столько лет на свете прожила? – съязвила она.

Ковалева оказалась права – Анна была уже в своей примерке. Она сидела на диване с закрытыми глазами, сброшенные туфли валялись рядом, а ноги она положила на придвинутый стул. И, к величайшему моему удивлению, она курила, поставив пепельницу рядом с собой.

– Сейчас я тебе пустырничек дам, – засуетилась костюмерша.

– Не надо, я уже выпила, – тихо ответила Ермакова.

– Может, лучше корвалол? – шепотом спросила я у Ковалевой. – Я мигом сгоняю в аптеку.

– Я его не принимаю, там бром, – услышала меня Анна и попросила: – Сашенька, сделай мне лучше чаю.

Ковалева хлопотала вокруг нее, а я сидела в сторонке, глядя на осунувшееся лицо Ермаковой, и думала о том, что ей ведь вечером еще и спектакль играть. Это какие же нечеловеческие моральные и физические силы надо иметь, чтобы жить в таком напряжении, когда на тебя со всех сторон неприятности валятся? В театре – Воронцов, вне театра – Тихонов! Эдак ее обновленной внешности надолго не хватит! Утешало меня только то, что Воронцов вот-вот получит по зубам так, что «навсегда потеряет к людоедству аппетит», ну а с Тихоновым тоже разберемся по ходу дела.

Ковалева что-то тихо шептала Анне, гладила ее по руке, и та понемногу успокаивалась. Ермакова выпила кофе под сигарету, посидела еще, расслабившись, с закрытыми глазами, а потом поднялась, улыбнулась нам и весело сказала, как будто это вовсе и не она только что выглядела не краше покойника:

– Голгофа! Второй подход! И ваш выход!

Я сначала удивилась, но потом, когда Александра Федоровна кивнула мне на дверь, поняла, что надо выйти в коридор. Мы вышли из примерки Ермаковой, она заперла дверь на ключ, который забрала с собой, и пошла в сторону зала, откуда уже слышались голоса, в том числе и Воронцова. Я открыла было рот, чтобы спросить, а почему нам нельзя было остаться в комнате, но Ковалева остановила меня:

– Потом все объясню.

Я не стала настаивать и попросила:

– А теперь идите снова к Степанычу и берите ключ от склада. Скажете, что очки там оставили – надо же мне камеру обратно забрать.

– Совсем ты меня загоняла, – проворчала она, но я видела, что наши шпионские игры ей понравились.

И вот наконец я и камеру забрала, и в костюмерную мы вернулась, и карту памяти вынула, и в свой ноутбук вставила, и включила воспроизведение. Ковалева с жадным интересом смотрела на все это, как ребенок на новогоднюю елку, но, как только пошли изображение и звук и до нее дошло, что именно она видит, эта почтенная женщина выматерилась не хуже портового грузчика, плюнула и, бросив мне: «Сама смотри это паскудство», – вышла в коридор.

Можно подумать, что у меня с души не воротило от этой видеозаписи, особенно от страстных воплей Лукьяновой: «Милый! Ты гений в постели и гений в режиссуре!» Что по поводу Воронцова, то о таких Владимир Вишневский очень образно выразился: «Без галифе вам лучше не хвалиться». Но вот наконец встреча двух любящих сердец закончилась, и я вздохнула с облегчением. Перегнав запись к себе в ноутбук, я запустила раскадровку и,

выбрав самый похабный кадр, решила отправить его через Viber на смартфон Воронцову. Конечно, это можно было сделать немедленно, но мне хотелось посмотреть на его реакцию, а потом сказать ему пару ласковых и провести разъяснительную работу. Выглянув в коридор, я увидела, что Ковалева стояла под дверью и что-то возмущенно бормотала себе под нос.

– Можно заходить, – разрешила я. – А батюшку вы потом пригласите, чтобы костюмерную от скверны очистил.

Ох, зря я повернулась к ней спиной! При моем росте метр восемьдесят до затылка она, конечно, не дотянулась, но вот по попе мне отметилась очень чувствительно и с подозрением поинтересовалась:

– Ты куда это собралась?

– Иду вершить суд скорый и правый! – зловеще заявила я.

– Без меня? – спросила она голосом императрицы, которую обнесли пирожными.

– Я не хотела подвергать искушению ваше целомудрие, – скромно объяснила я.

– Ой, Женька! Доязвисься ты у меня! – пригрозила она, запирая дверь костюмерной. – Чего делать-то собираешься? Ты же здесь без меня точно не обойдешься.

Я объяснила ей свой план, и она тут же сориентировалась:

– Тогда это ложа осветителя, оттуда все будет хорошо видно.

И мы с ней пошли на дело! Стоя в глубине ложи осветителя, мы отлично видели и сцену, и сидевшего за столом Воронцова. Он как раз только что закончил очередную оскорбительную тираду в адрес Анны, получил в награду восхищенную улыбку Лукьяновой и был доволен собой, как обожравшийся сметаны кот. Тут-то я ему пир души и подпортила. Его лежавший на столе смартфон жалобно пискнул, явно почувствовав, что хозяину сейчас придется очень несладко. Воронцов глянул на него, взял в руки, чтобы посмотреть, что это там ему пришло. И посмотрел! Ох, как же он с лица сбледнул! Вскочил на ноги, с минуту беззвучно открывал рот, хватая воздух, потом, судя по движениям, удалил сообщение, сел и начал прямо руками вытирать потоком хлынувший по его лицу пот – я же говорила: тяжелое детство, пользоваться носовыми платками его явно не учили. Поняв, что с ним что-то случилось, все замолчали и уставились на него, а он, казалось, ничего вокруг не замечал. Ваш выход, госпожа Охотникова! И я позвонила Воронцову.

– Что, гений режиссуры – и в постели? Понравилось? – ласково поинтересовалась я, когда он мне ответил. – У меня таких кадров еще мно-о-ого! Целая короткометражка. И я очень хочу, чтобы мое операторское искусство оценил как можно больший круг людей, поэтому собираюсь выложить запись в Интернет. А чтобы твоя жена и ее братья ни в коем случае не пропустили твой дебют в качестве исполнителя главной мужской роли, я вышлю запись на их электронные адреса. Уверена, что они даже не подозревали о твоём выдающемся творческом потенциале, но обязательно оценят его по достоинству. Правда, после этого свой следующий спектакль тебе придется ставить не южнее Ямала, чтобы они до тебя не добрались, но что это значит по сравнению с пережитыми минутами истинной славы. Ты ведь именно к ней стремился?

За время моего недлинного монолога на лице Воронцова отразилась вся присущая человеку палитра чувств, а цвет лица с калейдоскопической скоростью менялся от мертвенно-бледного до устрашающе-багрового и обратно. Казалось, еще чуть-чуть, и его кондрашка хватит.

– Кто ты? – с трудом выдавил он из себя, когда я смолкла.

– Алекто, – торжественно заявила я. – Одна из трех эриний. Еще меня зовут непрощающей, безжалостной, непримиримой, а также никогда не отдыхающей. Так что ты от меня легко не отделаешься.

– Что ты хочешь? У меня нет денег, – крикнул он, и я слышала, как стучат его зубы.

– Мне не нужны деньги. И простить тебя я тем более не могу – против природы не пойдешь. Но я могу отсрочить месть.

– Что я должен сделать? – вскочив со стула, заорал он.

– Ты издевался над уважаемой женщиной, плевать которой не стоишь! – высокопарным слогом продолжила я. – Ты унижал ее в угоду своей любовнице! Пользуясь своим положением, ты тешил свое самолюбие, ты наслаждался своей безнаказанностью и должен быть за это наказан. Но! Если ты вымолишь у нее прощение, прямо сейчас, в присутствии тех же людей, перед которыми ее оскорблял, я отложу казнь. Если же она тебя не простит, то я совершу обещанное. Приступай!

Я отключила телефон и стала с интересом смотреть, что будет делать этот подонок. А Воронцов стоял красный, потный, растерянный, руки ходили ходуном, а ноги его явно не держали, потому что он рухнул на стул. Но он тут же, хоть и с трудом, встал и, нетвердой походкой добредя до сцены и бухнувшись на колени, взмолился:

– Анна Николаевна! Не погубите!

Ермакова застыла памятником самой себе, а в ее мгновенно округлившихся глазах читалось такое изумление, которое она никогда не смогла бы сыграть при всей своей гениальности. А Воронцов исходил словесным поносом: он просил прощения за свою несдержанность в словах, объясняя ее присущей истинному творцу тонкостью душевной организации, невыносимыми терзаниями и неусыпной болью за свою детище – спектакль, о котором он думает и днем и ночью. Он клялся, что ни с кем и ни с чем не сравнимая игра Анны всегда была для него источником вдохновения, а она сама – образцом преданности искусству. И не оскорблял он ее вовсе, а пытался довести до такого состояния, чтобы она прочувствовала все переживания Нины Арбениной и потом смогла отобразить их в своей игре.

Несколько пришедшая в себя Ермакова, с презрением глядя на него, как на извивавшегося у ее ног червяка, брезгливо сказала:

– Знаете, Дмитрий Викторович, вы мне сейчас даже еще более противны, чем тогда, когда надо мной издевались. Я не знаю, что с вами случилось, но оставьте эту исповедь для более наивного слушателя.

Однако Воронцова было уже не остановить. Понимая, что не только его карьера, но и дальнейшее безбедное существование зависят только от одного слова Анны, он – не ожидая от него такой прыти – вскарабкался на сцену и бросился к ней. Опять упав на колени, он пытался обхватить ее ноги, а она пятилась от него и отбивалась, как могла. Хорошо, что на ней было платье, потому что юбку он с нее точно стащил бы.

– Да вызовите кто-нибудь врача! – не выдержав, закричала она. – Он же с ума сошел!

– Анна Николаевна! Одно слово! Только одно слово! Скажите, что вы меня простили! – умолял он.

– Да простила! Простила! – только чтобы отвязался, ответила Ермакова.

Услышав это, Воронцов наконец оставил ее в покое и, все еще стоя на коленях на полу, пробормотал:

– Следующая репетиция завтра в десять.

Анна, еще с опаской поглядывая на него, ушла со сцены, остальные тоже стали расходиться, и только Лукьянова бросилась к своему поверженному «гению». Но точку ставить было еще рано, и я снова позвонила Воронцову. Слышать, что он сказал Дарье, со своего места я не могла, но та соскочила со сцены, метнулась к смартфону и принесла его ему. И когда он ответил мне тусклым голосом, я уже без всякой ласки, торжественности и величавости произнесла грубым, напористым тоном:

– Ты меня не убедил, но казнь пока отложу. Но если ты, с-с-сука, еще хоть раз единственное грубое слово Ермаковой в-в-вякнешь, я тебя больше предупреждать не буду! Я

свое обещание выполняю! А тебя, гниду, живого в асфальт закатаю! Собственными руками! Без применения спецтехники! Понял?

– П-п-понял, – проблеял он.

Я отключила телефон, и мы с Ковалевой, которая смотрела на меня с искренним восхищением, торжественно пожали друг другу руки, а потом бесшумно вышли из ложи. Не сговариваясь, мы направились в гримерку Анны – надо же нам было увидеть результат своей подрывной деятельности. Ермакова встретила нас взглядом, который мог бы испепелить феникса без малейших шансов на воскрешение, и медовым голосом спросила:

– Что это было?

Мы с Ковалевой переглянулись, и не знаю, как на моем, а вот на ее лице крупными буквами было написано такое полнейшее непонимание происходящего, что я искренне восхитилась. Надеюсь, мой вид был не менее растерянным, а потом мы чуть ли не в один голос спросили в свою очередь:

– А что случилось?

– Какие гениальные актрисы пропадают! – всплеснула руками Анна. – Хоть сейчас на сцену! Да я по сравнению с вами – девочка из массовки!

Мы с Ковалевой опять переглянулись и обе приняли вид грубо попранной невинности.

– Хватит из меня дуру делать! – возмутилась Ермакова. – Когда такой мерзавец, как Воронцов, поливает тебя грязью, а через минуту бухается на колени и просит не погубить, это не может быть просто так.

– Может, совесть проснулась? – предположила я.

– Ты сказала! – хмыкнула Александра Федоровна.

– Согласна, это я погорячилась, – вынуждена была признать я и тут же выдвинула новую версию: – А может, ему было откровение свыше?

– Да-да! Причем господь бог говорил по сотовому! – язвительно заявила Ермакова и уже чуть ли не взмолилась: – Да скажите мне, что вы натворили, чтобы я знала, к чему готовиться!

– Анечка! Не надо волноваться! – принялась уговаривать ее Ковалева. – Сейчас я тебе пустырничку дам.

– Да я этой травой скоро от пяток до макушки обрасту, а летом еще и цвести буду! – не унималась Ермакова.

– Тогда валерьяны, – предложила ей Александра Федоровна и получила в ответ взгляд затравленного зверя.

Поняв, что пора вмешаться, я сказала:

– Анна! Мы обеспечили вам возможность спокойно работать. Более того, одно ваше слово, и ни Воронцова, ни Лукьяновой завтра же в театре не будет. Он уйдет добровольно, а она... Думаю, она поймет, что ей лучше последовать его примеру, а не доводить до того, что ее вышибут. А это, можете мне поверить, непременно произойдет.

Ермакова застыла, уставившись на меня, и я с самым серьезным видом покивала головой.

– Я даже не знаю, что на это сказать, – растерянно произнесла она.

– Я понимаю, что для человека с совестью очень трудно принимать подобные решения даже в отношении людей, которые причинили ему много зла, но вы подумайте, время есть. А сейчас, полагаю, нам всем самое время пообедать, потом оформить на меня доверенность на машину, ну и вам, Анна, отдохнуть – у вас же вечером спектакль. Кстати, что сегодня играете?

– Бланш Дюбуа. «Трамвай «Желание»» Теннесси Уильямса, – ответила мне вместо нее Александра Федоровна. – Только вы уж пообедайте без меня – у меня еще дел полно. А место в зале я тебе, Женя, обеспечу.

– Спасибо, не надо – мое место за кулисами, поближе к Анне, – отказалась я. – Да мне и там все будет отлично видно.

Ковалева ушла, и я попросила Ермакову:

– Давайте в виде исключения пообедаем полноценно? А то очень есть хочется, а до ужина еще далеко.

– Да, я со своими диетами не очень приятный компаньон, – согласилась она. – Но почему бы мне не устроить себе загрузочный день в честь праздника освобождения от Воронцова? Давайте пообедаем в Доме кино? Там на четвертом этаже есть очень неплохой ресторан. Как вам такая идея?

Еще бы я не была согласна!

Купив по дороге в газетном киоске бланк доверенности, мы с ней приехали в ресторан, сделали заказ, и, пока мы его ждали, Ермакова заполняла доверенность, а я глазела по сторонам. К сожалению, никого из звезд кино первой величины я там не увидела, зато звездюшки, пришедшие в надежде как раз с ними и познакомиться, налицествовали во множестве, но кому же они интересны? Только не мне.

Когда мы ехали из ресторана в театр, за рулем сидела уже я. В примерке Ермаковой я напрямую спросила:

– Анна! Я понимаю, что вам надо готовиться к спектаклю, поэтому прямо скажите, что я должна сделать, чтобы вам не мешать? Я могу уйти к Александре Федоровне и мешать ей.

– Не обижайтесь, Женя, но вам лучше именно так и поступить. Роль сложная, и мне действительно нужно собраться и настроиться, – не стала лукавить Анна. – Тем более что мне здесь ничего не грозит.

Я поднялась к Ковалевой, которая тоже оказалась занята, но творческие муки ее не терзали, так что с ней можно было, по крайней мере, разговаривать.

– Какие новости? – поинтересовалась я.

– Все в полнейшем недоумении и растерянности. По углам шепчутся, что Воронцов сошел с ума, но мы вне подозрений. И он, и Дашка ушли сразу же после репетиции. Оба – в крайне расстроенных чувствах, потому что крупно поскандалили. В первый раз! – конспиративным шепотом сообщила она и восторженно заключила: – Да! Лихо мы его размазали!

От нечего делать я, бродя между стойками, стала рассматривать театральные костюмы, особенно средневековые, и увлеклась этим настолько, что Ковалевой пришлось напомнить мне о скором начале спектакля, и я спустилась вниз. Понимая, что Анна будет выходить на сцену и уходить с нее то в одну, то в другую кулису, я обследовала пространство за сценой, чтобы вовремя сориентироваться и встретить Ермакову. Конечно, вероятность того, что с ней во время спектакля может что-то случиться, была очень невелика, но береженого, как известно... И так далее. Определившись на местности, я вернулась к ее примерке и осторожно заглянула, но, увидев отрешенный взгляд Анны, предпочла потихоньку подождать ее в коридоре.

И вот начался спектакль. Честно говоря, я от него ничего особенного не ожидала, потому что заездили «Трамвай «Желание»» до скрипа и дребезжания – классика же! Эту пьесу во всех театрах мира ставят, так что в Тарасове я ее видела, а кроме того, и читала, и фильм с Вивьен Ли и Марлоном Брандо смотрела, а потом и ремейк. Поэтому, когда начался первый акт, я приготовилась скучать, тем более что смотреть мне предстояло стоя за кулисами. Как же я ошиблась! Едва на сцене появилась Бланш, произошло чудо! Это была настоящая магия! И у этой магии было имя – Анна Ермакова! И все остальные артисты на ее фоне казались говорящими манекенами. И что, что я смотрела из-за кулис? Да одного ее голоса было достаточно, чтобы прочувствовать трагедию героини. Анна не играла – она и была Бланш Дюбуа! Прекрасная, хрупкая, утонченная и очень уставшая от житейских невзгод бабочка залетела в дом Ковальских, чтобы переждать непогоду. Ей так хотелось любви, тепла

и покоя, но она его там не обрела. На какой-то миг она поверила в то, что еще может стать счастливой, попыталась взлететь, а ее грубо сдернули вниз, и она, сломленная и потерянная, униженная и изнасилованная, рухнула в спасительный мрак безумия. Ее жалкая улыбка, дрожащие губы, потухший взгляд, поникшие плечи, старушечья походка и последние слова: «Неважно, кто вы такой. Я всю жизнь зависела от доброты первого встречного», – все это пробирало до мурашек по коже, до комка в горле. И не было в зале человека, который не мечтал бы сию же минуту убить Стенли Ковальского. А уж как у меня самой руки чесались!

За кулисами Анна постояла немного, глядя в пол, а потом подняла на меня глаза и, встретив мой восхищенный взгляд, слегка улыбнулась.

– Это было гениально! – совершенно искренне сказала я.

– Да-да! Мне об этом уже кто-то говорил, – пошутила она.

Тем временем занавес опустился, и несколько секунд в зале стояла абсолютная тишина, а потом он взорвался аплодисментами. И начались выходы на поклон. И букеты! Букеты! Букеты!

Но вот все закончилось. Довольная, счастливая Анна, расслабившись, сидела на диване в своей гримерке и пила кофе, Ковалева рядом с ней пила чай, а я просто смотрела на эту великую актрису, сама не веря свалившемуся на меня счастью – пусть на несколько дней стать защитой для этой невероятной женщины.

И вдруг мне позвонил охранник из машины:

– Евгения, у нас нештатная ситуация.

– Что случилось? – тихо спросила я, выходя в коридор, чтобы не пугать Анну.

– У служебного входа стоит Тихонов с большим букетом цветов. И с ним те два мужика, что вчера были. Один рядом с ним стоит, второй – за рулем в машине. А теперь самое главное: неподалеку от их автомобиля стоит другой, а там – кинооператор и, скорее всего, журналюшка какая-то. Наши действия?

– Как погода на улице и сколько народу рядом со служебным входом? – поинтересовалась я.

– Дождик мелкий, противный, но, несмотря на это, народу собралось прилично.

– Поняла. Вы, главное, ничему не удивляйтесь и со спины меня подстрахуйте, а то мало ли что в толпе произойти может. У меня руки связаны – я же никого покалечить не могу, а толпа неуправляема.

Я представления не имела, какую пакость задумал Тихонов, поэтому и четкого плана действий у меня не было, но что бы он ни приготовил для Ермаковой, надо бы сработать на опережение. Я вернулась в гримерку, отозвала в сторону Ковалеву и тихонько сказала ей:

– Мне срочно нужны женские брюки на размер больше моего, мешковатая ветровка, парик поприметнее и очки с простыми стеклами. Это реально достать?

– Тихонов? – одними губами спросила она, и я кивнула.

Шепча себе под нос явно непечатные выражения, она ушла, а я с самым безмятежным видом села в кресло и стала смотреть, как Ермакова снимает грим.

– Что случилось? – повернувшись ко мне, спросила она. – Опять Тихонов?

– Опять, – не стала скрывать от нее я. – Но в этот раз с журналюгами.

Вся ее радость от удачно сыгранной роли мгновенно улетучилась. Она вздохнула, подумала и предложила:

– Может, мы тогда здесь переночуем? Диван раскладывается. А еще можно вызвать такси и выйти через центральный вход.

– Что? – взвилась я. – Я не позволю ему отравлять вам жизнь! Он шумихи захотел, журналистов пригласил? Так я ему такую славу обеспечу, что он от них теперь долго в погребке прятаться будет!

– Мы принимаем бой! – голосом маленького волчонка произнесла Ермакова.

– Анна! Вы меня плохо знаете. Я уже давно не волчонок, – очень серьезно ответила я. – Я, к счастью или к несчастью, матерый волчара – жизнь так распорядилась.

Она не успела мне ничего на это сказать, потому что пришла запыхавшаяся Ковалева.

– Все, что по-быстрому смогла подобрать на такую дылду, как ты. Угораздило же тебя вымахать! – ворчала она, вываливая на диван груды вещей.

Покопавшись, я выбрала брюки (правда, мужские, но вряд ли у кого-нибудь будет возможность их пристально рассмотреть) и ветровку, в карманы которой положила баллончики с перцем и слезоточивым газом. Перебрав парики, я остановилась на рыжем с буйными кудрями и нацепила на нос большие очки. Посмотрев на себя в зеркало, я невольно отшатнулась – не дай бог такое чудовище во сне увидеть, седой ведь проснешься! Но узнать меня было невозможно, а это главное. Поняв, чего я добивалась, Анна взяла на кисточку какой-то грим и нанесла мне на лицо несколько штрихов. Посмотрев на себя снова, я обалдела – теперь я выглядела не меньше чем на сорок лет и на порядок страшнее.

– С такой внешностью только лиходеев по темным улицам искать – очень резко преступность в Москве сократится, а количество больных в психушках многократно возрастет, – пробормотала я и уже громче сказала: – Анна, хочу вас предупредить, чтобы это не стало для вас неожиданностью: я обнародую информацию о том, как Тихонов хотел использовать вас в своих политических целях.

– Нет! – почти крикнула она.

– Да! И стыдиться вам здесь нечего! Он злодей, вы жертва! И вызываете в этом качестве всеобщее сочувствие и симпатию! – твердо сказала я. – Вас возле служебного входа поклонники ждут, чтобы лично выразить свое восхищение! Несмотря на дождь стоят! Как вы думаете, что они сделают с человеком, который вас так оскорбил? Их ведь только завести надо, а уж я постараюсь. Убить, конечно, не убьют, но на слова скупиться не будут, а то, что сфотографируют и выложат в Сеть, – это к гадалке не ходи! Да и журналюгам все равно что снимать, главное, чтобы новость скандальная была. Тихонов после этого всеобщим посмешищем станет! И будьте уверены, что больше он к вам на пушечный выстрел не приблизится!

– Анечка! Женя права, – принялась уговаривать ее Ковалева. – Не собираешься же ты всю жизнь от этого негодяя прятаться. И она не может при тебе неотлучно всю жизнь состоять.

– Господи! Какой позор! За что? – чуть не зарыдала Ермакова, а потом махнула рукой: – Делайте что хотите! Мне уже все равно!

– Александра Федоровна! На выход! – скомандовала я и, когда мы вышли, объяснила: – Мне надо выйти из театра через центральный выход, а потом через него же вернуться.

– Пошли! – азартно блестя глазами, подхватила она. – Зрители уже разошлись, дверь заперта, так я сама тебя выпущу, а потом и обратно впущу. Жаль, что я не догадалась чего-нибудь теплое накинуть, а то посмотрела бы, как ты там воевать будешь.

– Не надо! Не рискуйте здоровьем, – попросила я. – А то кто же Анну опекать будет, если вы заболаете?

Выйдя через центральный вход, я обогнула здание и направилась к служебному входу. Толпа там действительно стояла немаленькая, так что мне пришлось подойти почти вплотную к ней, чтобы разобрать, где там Тихонов. Увидев его, я рванула вперед со скоростью и неотвратимостью урагана «Катрина», а подбежав к нему и уперев руки в бока, с ходу начала орать:

– Я так и знала, что ты опять сюда припрешься! Мне никогда в жизни одуванчика не подарил, а Ермаковой цветы охапками таскаешь!

Как только прозвучала фамилия Анны, все, кто ждал ее выхода, тут же повернулись в нашу сторону и стали внимательно прислушиваться. Хотя чего прислушиваться, если я орала как резаная?

– Ты кто? – растерялся Тихонов.

– Что? – раненой медведицей взревела я и затараторила, потому что теперь моей главной задачей было не дать ему и слова вставить: – Как домашненького поест, так я! Как перепихнуться на халяву, так я! Как носки твои вонючие и трусы обосранные стирать, так я! Как срач в твоей квартире разгребать, так я! А теперь ты меня в упор не видишь? Я ради тебя, кобеля плешивого, мужа бросила, а теперь ты меня знать не хочешь? Ты мне что говорил? Что любишь только меня, а Ермакова тебе исключительно для дела нужна, чтобы через ее постель в Госдуму пролезть! Женой ее везде называл! Не помогло! – язвительно произнесла я. – Накрылось твое депутатство медным тазом! А ты опять к ней бегал! И опять мне лапшу на уши вешал, что это тебе для политической карьеры надо! Только, видать, раскусила она тебя, если на всю страну заявила, что замуж не собирается! На хрен тебя послала, по-русски говоря! А ты опять к ней и опять с цветами! И что тебе теперь от нее надо? Она тебе щи варить не будет! И клизмы ставить тоже! От запоров своих сдохнешь!

– Уйди, бешеная! Я тебя не знаю! – дурным голосом завопил Тихонов.

– Ничего-о-о! Сейчас узнаешь, что я бываю не только ласковая! – пригрозила я.

Выхватив у него букет, я начала охаживать цветами его по физиономии, и все это под аккомпанемент оскорблений и угроз, сыпавшихся на него от поклонников Ермаковой, которые и до этого молчаливостью не отличались, высказывая в его адрес все, что о нем думали. Заметим, исключительно нелестное. А Тихонов только закрывался руками и орал:

– Да заберите ее от меня!

Стоявший рядом с ним мордоворот попытался схватить меня за руку.

– Не лезь – зашибу! – рявкнула я, а поскольку он не послушался, пнула его ногой.

Кроссовки, конечно, не берцы, но если знать, куда бить!.. А я-то знала! В общем, от якобы случайного удара мордоворот, матюкнувшись, из схватки выбыл. Как я и ожидала, из машины выскочил и побежал к нам его коллега. Этот решил не размениваться на мелочи и сразу замахнулся на меня. Вырубить его мне было как нечего делать, но не может же простая баба приемы рукопашного боя демонстрировать, поэтому я, чтобы не заморачиваться, брызнула ему в лицо жгучим перцем. Мужик взвыл и присоединился к коллеге. Поняв, что остался без защиты, Тихонов рванул от меня с хорошей крейсерской скоростью, а я бежала сзади, проклинала его и ругала на чем свет стоит. Когда мы удалились на приличное расстояние, я швырнула ему вслед прутья, в которые превратился букет, и остановилась. Теперь мне предстояло незаметно вернуться обратно. Я сняла приметный парик и очки и сунула их в карман ветровки, а ее саму, сняв, сложила и повесила на руку. А брюки? Да кто на них смотрит? Перейдя на другую сторону улицы, я неспешной походкой пошла в обратном направлении до следующего перехода. Когда я уже подходила к центральному входу, мне опять позвонили из машины охраны, и я услышала восхищенный мужской голос:

– Это было зрелищно!

– Учитесь, пока я живая, – буркнула я в ответ.

Ковалева уже ждала меня у открытой двери и, судя по влажным волосам и плечам ее платья, она выходила, чтобы посмотреть, как я расправилась с Тихоновым.

– Александра Федоровна! – укоризненно воскликнула я. – А если простудитесь?

– А! – отмахнулась она. – Ноги попарю, чаю с малиной напьюсь, и ничего мне не будет! – и с сожалением произнесла: – Жаль, что ты Анечке не родня. Есть в тебе что-то такое! Творческое! – а потом, когда мы шли к гримерке, хитро блестя глазами, сообщила: – А журналюги-то все-все-все снимали! Как ты думаешь, на каком канале это показывать будут?

– По-моему, вы уже всего насмотрелись! – хмыкнула я. – Дай бог, чтобы без последствий обошлось!

В гримерке нас ждала уже готовая на выход Ермакова, которая, увидев, как и я, влажные волосы Ковалевой, только руками всплеснула:

– Сашенька! Почему ты такая неосторожная! Уж если так интересно было, так смотрела бы, как и я, из окна, что на улице происходило.

– Брось, Анечка! Все будет нормально! – поморщилась та.

– Знаете, Женя, а ведь я была права, в вас пропадает хорошая актриса, – без шуток сказала Анна.

– Вот и я ей гово... А... А... Апчихи! – оглушительно чихнула Ковалева.

– Я так и знала! – трагически воскликнула Анна и обратилась ко мне: – Женя, вы не будете против, если мы сначала эту хулиганку домой отвезем, а потом уже ко мне поедем? А то я боюсь, что в метро на сквозняке она себе еще добавит, а ведь ей потом еще и пешком идти.

– Анна, вы что-то путаете! Это я на вас работаю, а не вы на меня, – рассмеялась я. – Конечно, отвезем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.